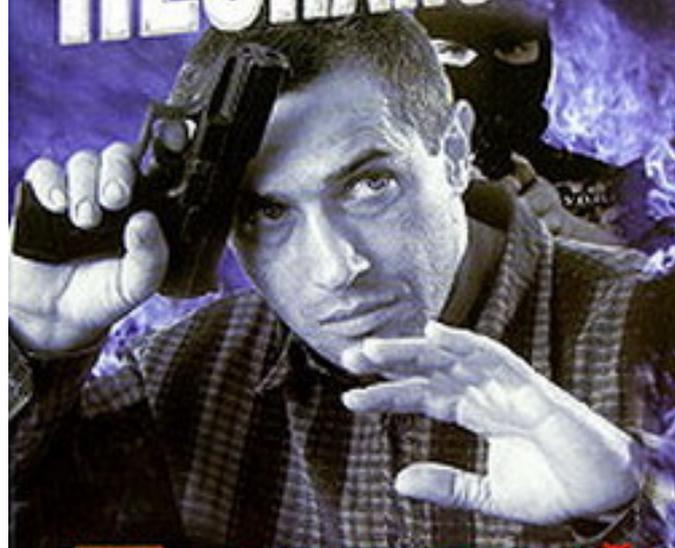

ФРИДРИХ НЕЗНАНСКИЙ

СИБИРСКИЙ
СПРУТ

Господин адвокат

Фридрих Незнанский
Сибирский спрут

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Сибирский спрут / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

«Господин адвокат» начинает очередное дело — дело не просто трудное, но явно безнадежное. Всего-то навсего — преступление, совершенное коррумпированным высокопоставленным милиционером в далеком и богатом сибирском городе? Все понятно и просто? Почти... Доказательства вины арестованного, мотивы и улики — в деле присутствует все. Но почему же «господин адвокат» так уверен, что его подзащитный невиновен? Почему — пусть и с риском для жизни — готов найти и находит доказательства его невиновности, пусть и самые на первый взгляд неправдоподобные...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	17
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фридрих Незнанский

Сибирский спрут

1

Новая компьютерная игра называлась «Кровавый остров». От захватывающих поворотов сюжета у друзей бежали по спине мурашки.

...Путешественники терпят крушение и попадают на остров, кишачий змеями, крокодилами и кровожадными туземцами. Они пробираются через джунгли, где засел головорез-одиночка, который повсюду расставил мины-ловушки. По ходу действия путешественникам нужно избежать всех опасностей, обойти ловушки, прикончить головореза, взять в плен вождя туземцев и уговорить его стать проводником. Туземец поможет путешественникам добраться до вершины горы, где в кратере потухшего вулкана спрятан маленький вертолет. Они должны успеть покинуть остров до того, как вулкан начнет извергаться. Дополнительной преградой служит маньяк — пилот истребителя, который появляется в небе в самый неожиданный момент и обстреливает все живое управляемыми ракетами...

После школы Леша Трегубов привел товарищей к себе, чтобы поиграть в новую игру на своем домашнем компьютере. Он был одним из немногих, у кого дома стоял настоящий компьютер, а не игровая приставка к телевизору. И этим Леша Трегубов очень гордился.

Сначала мальчишки поиграли, потом, когда паяться на мерцающий экран компьютера надоело, немного побегали по квартире, гонясь друг за дружкой с игрушечными пистолетами. Потом Леша, чтобы окончательно закрепиться в роли авторитета, продемонстрировал друзьям отцовский «макаров». Он торжественно открыл ящик секретера и вынул коробку, в которой, завернутый в чистую тряпочку, лежал самый настоящий пистолет!

Мальчишки с уважением причмокивали и качали головами, взвешивая на ладони настоящее оружие. Пистолет внушительно и незнакомо тяжелил руку.

— Вот это да! Здорово. Настоящий... — завистливо восторгались друзья, — ...как у милиционеров...

— Я даже знаю, где папа патроны прячет, — похвастался Леша.

— Давай зарядим его и стрельнем с балкона, — предложил толстый Мишка, но Трегубов-младший, минуту поколебавшись, все же отверг предложение.

— В другой раз. Сейчас лучше еще на компьютере поиграем.

Он положил пистолет обратно в коробку, сунул ее на прежнее место в секретер и запер замок. Ключа от секретера у него не было, но Леша давно научился открывать замок маминой пилкой для ногтей.

Мальчишки вернулись в детскую и снова расселись вокруг компьютера. Леша занял командирское место за пультом, остальным отводилась роль зрителей и советчиков.

На некоторое время в квартире воцарилась тишина, прерываемая только возгласами игроков и звуковыми сигналами, доносящимися из колонок.

— Класс! Мощно!

— Да уж покруче, чем «Мортал комбат».

— Давай бей! Сбоку обходи! Переключайся на шотган!

Мальчишки тесней сгрудились вокруг Лешы Трегубова и, заглядывая через плечо товарища на экран компьютерного монитора, давали ему советы и подсказывали ходы.

— А теперь из гранатомета!

— Ключ ищи, ключ...

— Сам знаю, не командуй.

— Не наступай на камень, там мина-ловушка! Ну дурак... — раздались со всех сторон разочарованные комментарии, а на экране монитора замигала надпись «game over».

Не успев перейти через кишасщее крокодилами и змеями болото и добраться до второго уровня, вся команда в полном составе подорвалась на мине.

— Ну вот! В пятый раз из-за тебя с самого начала начинать! Говорил, сохраняться надо! Дай теперь я сяду, — попросил толстый Мишка.

— Отстань, я сам!

— Хватит, ты уже три раза подорвался. Теперь моя очередь.

Свергнувший командир обиженно слез со стула. На его место уселся Мишка, который советовал не наступать на камень, и игра началась с самого начала.

Леше стало скучно — он уже трижды проходил первый уровень. Чтобы развлечься, он поплелся на кухню к холодильнику и сделал себе бутерброд с докторской колбасой.

— Губа, иди скорее сюда, Мишка на второй уровень переходит! Они уже нашли карту и идут через джунгли!

Леша вернулся в детскую. Привстав на цыпочки за спиной товарища, он с завистью наблюдал, как ловко этот толстяк справляется со всеми ловушками и ведет команду путешественников через джунгли...

В прихожей послышался резкий, чужой звонок в дверь.

— Губа, ты же говорил, что твои шнуры поздно с работы приходят? — разочарованно переглянулись игроки.

— Ну да. Наверное, это кто-нибудь чужой. Сейчас посмотрю.

Леша выбежал в прихожую, заглянул в дверной глазок.

На площадке перед дверью их квартиры переминался с ноги на ногу незнакомый человек в такой же, как у Лешиного отца, форме офицера милиции. Человек добродушно улыбался. Услышав за дверью шаги и шорох, он сказал, обращаясь к глазку:

— Привет, малыш! Мне нужно передать твоему папе кое-какие документы. Открой, пожалуйста.

— Папы нет дома, — ответил Леша.

— Я знаю, он сам просил меня принести эти документы ему на дом. Открой, пожалуйста.

Леша хорошо помнил о строжайшем запрете родителей открывать дверь незнакомым людям, когда старших нет дома. Но этот офицер не был похож на бандита. Он был похож на одного из коллег отца, которые часто приходили к ним домой.

Немного поколебавшись, Леша снял цепочку и повернул щеколду замка.

В следующее мгновение дверь снаружи толкнули с такой силой, что мальчик отлетел к стене. В прихожую с лестничной площадки ворвалось несколько вооруженных людей в черных масках и пятнистых камуфляжных костюмах. Они, ни слова не говоря, организованно разбежались по всей квартире. Следом за ними вошел офицер и с ним еще какие-то люди в штатском.

— Обыскать квартиру! Трое в спальню, ты — в туалет, вы двое — на кухне смотрите. Проверьте балкон! Перетрясите все вверх дном, чтобы ни одной бумажки не пропустить. Двое в зал, трое оставайтесь в коридоре, ты контролируй дверь. — Даже не глядя на мальчика, офицер отдавал отрывистые команды.

Офицер собственноручно оборвал телефонный кабель и разбил о стену трубку телефонного аппарата.

— Что вы делаете? — закричал Леша.

Он отчаянно вцепился в офицера обеими руками.

— Вы кто такие? Кто вам разрешил?

Отчаянный крик ребенка вызвал смех.

— Отвали, щенок, пока уши не оборвал! — стряхивая с себя мальчишку, ответил офицер. — Весь в папашу, выродок.

Леша упал на ковер, но тут же вскочил, как ванька-встанька, и заметался по комнате, расталкивая своими маленькими ручонками огромных детей в пятнистых голубых камуфляжках.

— Не трогайте! Это мамин шкаф. Мой папа полковник милиции, он вас всех посадит! — глотая слезы, кричал он.

— Уберите маленького засранца! — потеряв терпение, рявкнул офицер. — Заткните ему глотку, чтобы не визжал.

Лешу несильно ударили по лицу, схватили поперек туловища и вынесли в детскую.

Там тоже шел обыск. Одежда из шкафа, игрушки, книги, постельное белье — все было свалено в кучу на полу посреди комнаты. Перепуганные приятели Лешки жались к стене и вытаращенными глазами смотрели, как огромный солдат в камуфляжке и черной маске, с автоматом через плечо, сидя на корточках, роется в чужих вещах. Он будто бы сошел с экрана компьютера — настолько нереально все это выглядело.

— Чего уставились? — вдруг повернулась к ним черная голова без рта, с прорезями на месте глаз.

И в мальчишек уперлось вороненое дуло настоящего «калашников». Глаза мальчишек стали больше чайных блюдец.

— Пах-пах-пах-пах! — вдруг дрогнул автомат, выплевывая в них невидимую очередь.

С криком перепуганные мальчишки кинулись бежать из квартиры.

Солдат смачно рассмеялся и повернулся к Леше:

— А ты чего же, не боишься?

Он легко перехватил мальчика и бросил его на кровать.

— Не рыпайся, пацан, а то...

Он приставил дуло автомата к голове мальчика и произнес:

— Паф! И мозги по стенке...

У Лешки затряслись губы. Он сжался в комок, забился в самый угол кровати, загородился подушкой и смотрел оттуда, как обыскивают его комнату.

Камуфляжник уселся на стул перед компьютером, поставил автомат между ног и стал перебирать лежавшие на столе компакт-диски. Те, что ему нравились, он прятал в нагрудный карман куртки, остальное вытряхивал из коробок на пол и давил каблуком тяжелого ботинка.

— Так, что мы здесь обнаружили? — доносился до Лешки из прихожей голос офицера, который заправлял обыском. — Оператор, камера готова? Снимай. Во время обыска на квартире полковника Трегубова в тайнике под ванной был обнаружен склад боеприпасов в виде боевых патронов, пистолета «макарова» и одной ручной гранаты РГД-5... Покажи крупнее патроны. А также в шкафу в спальне была обнаружена картонная коробка от обуви... открывай коробку... с большой суммой иностранной валюты внутри. Достань пару пачек, поднеси к камере поближе. Понятые где? Ага, вот... Разложи валюту на столе. Веером, веером, вот так, чтобы видно было... Все видят. Возьми покрупнее... Подписывайте протокол обыска. Так... Дальше. В ящиках обнаружено большое количество ювелирных изделий...

— Мой папа всех вас посадит, — едва слышно прошептал Леша, вытирая слезы углом подушки. — И тебя тоже.

Камуфляжник поднял голову.

— Твоему папаше кранты, — спокойно сказал он, проводя ребром руки под подбородком. — Ты его больше не увидишь, сопляк.

Референт губернатора — смачная двадцатисемилетняя блондинка с розовыми накладными ногтями, получившая свою должность за безупречное знание немецкого языка и умение красиво, покачивая бедрами, ходить на высоких каблуках, — стояла возле длинного стола и

со скучающим видом рассматривала картину, висящую на стене за спинкой губернаторского кресла.

В соответствии с лучшими традициями соцреализма на картине был изображен хозяин кабинета — Анатолий Францевич Шварц — плечом к плечу с президентом России. Оба они — губернатор и президент — стояли на высоком берегу реки и любовались Сибирской ГЭС и косым журавлиным клином, пересекающим небо в том направлении, куда указывала губернаторская длань. Тот факт, что в действительности президент государства никогда не бывал в Сибирской губернии и тем более не любовался на пару с губернатором мощными турбинами гидроэлектростанции, ничуть не смущал ни автора живописного полотна, ни хозяина кабинета.

Смущало другое — изображение Президента России морально устарело, и на холст само собой просилось новое, молодое лицо.

— Может, все-таки лучше новую нарисовать? — размышлял вслух Анатолий Францевич, также устремив взор на шедевр местного придворного живописца.

Секретарша всем своим видом выражала полную готовность поддержать любую точку зрения, которую одобрит шеф. Живописец скромно держался в стороне. От его сапог на паркете растеклась грязная лужа. Художник мял в руках лохматый татарский малахай и всей душой надеялся на новый заказ.

— Пожалуй, лучше новую, — рассуждал Шварц. — Хотя... если только лицо перерисовать и фигуру немножко подправить, то и эта сойдет.

— Немножко не получится, — вставил художник, — телосложение отличается сильно.

— Да? — Наклонив голову, Шварц изучал картину. — Что ж, тогда, пожалуй, новую...

— Лучше подождите, — советовала секретарша. — А то мало ли? Сами знаете, где живем. В такой стране все может произойти.

— Да-да, это точно, это точно, — задумчиво подтвердил губернатор. — Любая неожиданность, любое западло... Напишем, деньги потратим, а потом раз, и опять что-то случится... Так портретов не напасешься. Может, получится? Если только одно лицо изменить? Нет, не получится, теперешний ниже ростом и морда у него узкая. Если тонко так подмалевать, с этой стороны убрать, березки подрисовать, облаком закрыть. Васькин, ты как считаешь? Можно только одну фигуру перерисовать, а все остальное оставить как есть?

— Можно все испортить, — обиженно гудел художник, — реализм пропадет. Придется фигуру менять, пейзаж дописывать, кое-что передвигать... Может не получится. Будет не слишком эффектно. Надо подумать...

— Думай, — разрешил губернатор и резко поменял тему разговора: — А что Трегубова? Все еще сидит?

— Сидит, Анатолий Францевич, — подтвердила секретарша.

— Ты сказала, что меня нет?

— Сказала.

— Что сегодня приема нет?

— Да.

— Говорила, что я завтра ее с утра приму?

— Говорила, Анатолий Францевич.

— А что в областную думу срочно еду?

— Все равно сидит.

— Черт! Вот настырная баба, — с досадой покачал головой губернатор.

Секретарша изобразила на своем лице полное понимание чувств высокого начальства.

— Всю неделю ходит, как на работу, — подтвердила она. — Лучше бы по адвокатам бегала. Они ей сейчас больше нужны... Вот, кстати, — доставая из папки лист бумаги и укладывая его на стол перед Шварцем, добавила она. — Трегубова передала новое письмо на ваше имя.

Губернатор одним глазом покосился на бумагу и сморщился, словно хлебнул уксуса.

— Ну вот! Вот опять — «разберитесь, разберитесь, разберитесь»... Опять я должен разбираться. Как будто я прокурор... Они думают, раз губернатор, значит, все на свете может... На свидания ее к мужу не допускают... А я тут при чем?

Секретарша пожала плечами, тоже выражая досаду по поводу правовой неграмотности людей.

— Эх, привыкли в советское время, что все за них решают...

— Она пишет, что ее мужу уже назначен государственный защитник, а она хочет нанять частного адвоката, — подсказала секретарша, заглядывая через плечо в текст письма.

— И пускай нанимает! Пускай делает, что хочет, я тут при чем? Зачем она меня хочет припутать ко всей этой истории? Только этого мне не хватало. Сами разберутся: РУБОП, Военная прокуратура, ГУВД, МВД... Там своих начальников хватает. А меня в это дерьмо не впутывайте! Своего собственного... не разгрести!

Шварц, разозлившись, грохнул ладонью по полированной столешнице из карельской березы.

— Все! Гоните ее в шею! В следующий раз предупреди охрану на вахте, что Трегубову — не впускать. Тебе ясно?

Секретарша кивнула.

Жена арестованного две недели назад руководителя регионального управления по борьбе с организованной преступностью, тридцатилетняя Евгения Трегубова, в волнении ходила взад-вперед по приемной губернатора, поглядывая на широкие двойные двери, ведущие в кабинет Шварца.

— Ну что?! — с надеждой бросилась она к секретарше, когда та появилась на пороге кабинета, плотно прикрывая за собой дверь.

— Не примет, — покачала головой блондинка.

— Почему? Он прочитал письмо?

Секретарша кивнула.

— Как же так? — растерянно повторила Трегубова, ломая пальцы.

Этот хруст вывел секретаршу из терпения.

— Ах, пожалуйста, не трещите вы пальцами! — прикрикнула она на посетительницу. — У меня и так от вас голова трещит! Сказал, что не примет и что помочь вам ничем не может. Не теряйте напрасно времени. Лучше сами по адвокатам бегайте. Губернатор вам ничем не поможет.

Она смерила взглядом субтильную фигуру Трегубовой.

— Но как же так? Я не понимаю... Что же мне делать? Что же мне делать? — чуть не плача, повторила женщина.

Секретарша повела плечами, давая понять, что ее эти вопросы не касаются, и поспешила к своему столу, где разрывалась батарея телефонов.

Евгения Трегубова никогда не производила впечатления бой-бабы, а неожиданно свалившееся несчастье, казалось, полностью сломило эту красивую женщину. С первого взгляда определив, что перед ней интеллигентная размазня, секретарша Шварца потеряла бдительность и на мгновение выпустила из-под контроля вход в хозяйский кабинет.

Женя и сама прежде ни за что бы не поверила, что способна на такое, но как только церберша отвернулась, она бросилась к заветной двери.

— Женщина! — заорала изумленная секретарша. — Вы куда?!

Не обращая внимания на вопли, Евгения вскочила в узкий тамбур между двойными дверями и, отпихнув назад секретаршу, которая двумя прыжками нагнала ее и попыталась силой помешать ей войти, прорвалась в губернаторский кабинет.

Шварц вздрогнул, когда громко хлопнула дверь и на пороге его кабинета раздались крики.

— Женщина, да вы с ума сошли! Как вы смеете! Туда нельзя! Я вызову охрану! Назад! Хамка! — визжала секретарша, вытаскивая Трегубова вон из кабинета.

— Анатолий Францевич, я не уйду, пока вы меня не примете! — цепляясь за столы и стулья, сопротивлялась зарвавшаяся просительница.

Круто развернувшись, Трегубова неожиданно для самой себя вlepила секретарше лихую пощечину. Та буквально застыла на месте. Широко раскрытые глаза выражали полное непонимание происходящего. Затем через несколько секунд она осознала, что ей нанесли пощечину, и снова завывала, как пожарная сирена.

Шварц услышал звонкий хлопок ладони и поежился, невольно представляя себя на месте секретарши. Но тут же взял себя в руки и дал знак секретарше умолкнуть. Та сразу же закрыла рот, как будто ее выключили из розетки... Воцарилась тишина.

— Евгения Павловна, зачем же так нервничать! — Разводя руками, он с фальшиво-добродушной улыбкой пошел навстречу Трегубовой. — Я бы вас обязательно принял... Завтра! Разве Ольга Алексеевна вам не сказала? Я только что отдал распоряжение записать вас на завтра первой на прием, вне очереди. Проходите, присаживайтесь... Я понимаю ваше состояние и всячески вам сочувствую, но зачем же устраивать скандал?

Одной рукой взяв Трегубову под локоток, губернатор свободной рукой отдал живописцу приказ немедленно обратиться из кабинета.

Оставляя на паркете огромные мокрые следы, напуганный происходящим, придворный художник исчез за дверью. На его лице была безнадежность. Следом за художником выскользнула и блондинка.

— Анатолий Францевич, вы должны вмешаться! Произошла чудовищная ошибка, — волнуясь и задыхаясь от волнения, заговорила Трегубова.

Она говорила долго и сбивчиво. Губернатор сочувственно кивал головой, возмущался, удивлялся, негодовал, пытался дозвониться в прокуратуру и в ГУВД...

— Никого нет на месте! — стуча телефонной трубкой по карельской березе, беззастенчиво лгал он, глядя в глаза Евгении Трегубовой. — Народ, а? Вот это наш народ! Половина пятого, а на месте уже никого не застать. Вот как мы работаем. Ну я им покажу!

— Пожалуйста, Анатолий Францевич, разберитесь. Это просто заговор, иначе я не могу это назвать. — Просительница вытирала слезы.

Анатолий Францевич бил себя в грудь, обещая лично во всем разобраться, лично со всеми переговорить и вообще сделать все от него зависящее, чтобы полковник Трегубов как можно скорее оказался на свободе.

— Я лично знал вашего супруга, я знаю, какой это кристально честный человек! — уверял он. — Это досадное недоразумение. Кто-то где-то напутал, перестарался... Знаете, как бывает в такой работе? Кто-то что-то неправильно понял, перестраховался. Перестраховщики, а? Ну ничего, я им покажу!

— ...Черт знает что!

Спустя полчаса, когда Трегубова, убаюканная обещаниями, покинула резиденцию губернатора, Шварц пил коньяк и вытирал вспотевшее лицо салфеткой.

— Эта стерва меня просто наизнанку вывернула. Хороша штучка! Под статью своему благоверному. Как говорится, с кем поведешься, от того и наберешься... А ты учти! — Он ткнул пальцем в сторону секретарши, с виноватым видом стоящей на пороге. — Учти, еще раз такое повторится — выкину тебя пинком под зад. На хрена ты мне нужна? Не для того тебя держат... Чтoб ноги этой стервы больше у меня в кабинете не было! На пушечный выстрел не подпускать! Поняла?

Заплаканная секретарша прижала платочек к глазам.

— Клянусь, Анатолий Францевич, больше не повторится.

— То-то! — смягчился губернатор, опрокинул рюмочку и принялся массировать виски...

Вторая неделя промелькнула, как кошмарный сон.

Женя Трегубова сидела на кухне, остановившимся взглядом смотрела на разбитый телефон, перебинтованный коричневой лентой скотча.

«Позвони! — мысленно просила она. — Позвони! Скажи что-нибудь хорошее!»

Она сама не знала, кого именно заклинает позвонить — мужа, губернатора, главного военного прокурора? Она уже успела обить пороги всех высоких кабинетов. Всюду ее убеждали, что скоро во всем разберутся, уговаривали не нагнетать ситуацию, подбадривали, обнадеживали, обещали взять дело под личный контроль...

Лгали, лгали, лгали... Все лгали. Женя почувствовала, что она осталась одна-одинешенька в этом городе, если не считать, конечно, сына. Никто ей не поможет. Мужнины коллеги как сквозь землю провалились, с тех пор как Игоря арестовали, никто и не позвонил даже. Хотя в лучшие времена были очень даже любезны с ней, приходили в гости, приносили цветы и шампанское...

Ложь. Все одна большая ложь!

Телефонный звонок раздался так неожиданно, что Евгения вздрогнула. У нее оборвалось сердце, застучала кровь в висках.

— Да? — торопливо проговорила она, прижимая к уху разбитую трубку.

И сразу же, как только поняла, кто и зачем звонит, ее охватило досадное, до слез, разочарование.

И как это у людей хватает совести беспокоить по таким пустякам? Ведь все знают о ее горе...

Звонил сосед из третьего подъезда, просил выйти во двор и забрать молоток, который он пару месяцев назад одолжил у ее мужа...

— Пусть останется пока у вас, я в другой раз заберу, — ответила Евгения и бросила трубку, но через пару минут телефон зазвонил снова.

— Да вы пьяный, что ли? — крикнула она, услышав тот же голос. — Что это вам приспичило? Плевать мне на молоток, отстаньте, я уже сплю!

После четвертого звонка она с изумлением поняла, что настырный сосед просто так не отцепится. Он спокойно, раз за разом убеждал ее выйти во двор за молотком...

— Ладно, я сейчас оденусь и выйду, — наконец согласилась Женя. — Подождите возле подъезда.

Когда она вышла на крыльцо, то в свете фонаря увидела внизу темную мужскую фигуру.

— Это вы звонили? — крикнула она, плотнее запахивая полы шубы. — Давайте скорее, холодно.

Мужчина не вышел из тени, но обернулся и посмотрел в ее сторону:

— Евгения Павловна?

— Да.

Внезапное предчувствие заставило ее спуститься со ступенек и подойти поближе. Тапочки проваливались в рыхлый снег, но Евгения забыла обо всем на свете.

— Я Евгения Павловна, — тише повторила она, рассматривая незнакомца.

Молодой человек старательно скрывал свое лицо. Черная спортивная шапочка была надвинута на брови, нос и подбородок он прятал в высоко поднятом воротнике куртки.

— Я не мог с вами иначе связаться, ваш телефон прослушивается, — пробормотал молодой человек, протягивая Евгении молоток. — Берите и делайте вид, что мы с вами знакомы. Это ваш муж просил передать.

Незнакомец быстрым шагом пошел прочь и скрылся за дверью третьего подъезда.

Дрожа не от холода, а от волнения, Евгения вернулась в квартиру. Опустив жалюзи на кухонном окне, она села за стол, положила на стол молоток и попыталась разобраться, что к чему. Молоток, который передал ей незнакомый доброжелатель, казался самым обычным хозяйственным инструментом. Его деревянная ручка для большего удобства была обмотана слоем синей изоленты.

Повертев инструмент в руках, Трегубова не нашла никакой зацепки. Понятно, что это не просто молоток, что должно быть какое-то сообщение... Или знак. Только где? Почему молоток? Трудно подыскать что-либо более неподходящее для передачи...

Она думала и автоматически ковыряла ногтем верхний слой изоленты. Вот отлепился край. Евгения потянула за него и стала разматывать ленту метр за метром... Под последним слоем она заметила крошечную бумажную трубочку.

Записка!

Трясущимися от страха и волнения руками она разглаживала и разглаживала бумажку. Слезы застилали глаза. Долго она не могла разобрать, что там написано. На клочке бумаги размером с почтовую марку микроскопическими буквами было написано:

«Женя! Спрячь Лешку и дуй в Москву. Вытаскивай меня! Игорь».

Почерк мужа... Его бы Женя узнала из миллиона других. Это был крик о помощи.

Евгения не знала, сколько времени просидела она неподвижно, прижав ладони ко рту и уставившись на записку полными слез глазами.

Ее муж был сильным, очень сильным человеком, порой даже жестким. Меньше всего он когда-либо нуждался в ее помощи. Наоборот, Женя всегда пользовалась его опекой и поддержкой. Она привыкла чувствовать себя за плечами мужа, как за каменной стеной.

И если Игорь просит вытащить его, значит, все очень плохо. Гораздо хуже, чем ей казалось. Хуже некуда... Значит, у него вся надежда только на нее.

А она... Что же она может сделать? Что? Уже не осталось чиновничьего кабинета, где бы она не побывала, где бы не умоляла, доказывала, требовала, плакала...

— Мама, ты опять плачешь?

Сын обнял ее за шею.

— Не буду больше, — поспешно вытирая глаза и пряча в кулак записку, сказала Евгения. — А ты что не спишь?

— Мне одному страшно, — признался Лешка. — Почитай мне на ночь.

— Хорошо, беги в кровать, а то замерзнешь. Я сейчас приду.

Когда сын ушел, она снова свернула записку и, поискав глазами надежное место, спрятала маленькую трубочку в одну из жестяных коробок с крупами...

На следующий день Женя отправила сына в Саратов, к бабушке.

Прощаясь с матерью на вокзале, Лешка излучал восторг. Он никогда еще не путешествовал самостоятельно на поезде, и радость от внезапных каникул омрачало только одно обстоятельство — дома у бабушки не будет компьютера.

— Мам, как ты думаешь, в Саратове можно будет у кого-нибудь найти приличный компьютер? — в сотый раз спрашивал мальчик, вертясь на своей полке в купе. — Я на всякий случай взял все свои игры. — Он тяжело вздохнул и добавил: — Те, что остались после обыска...

Евгения попросила проводницу присмотреть за сыном.

— В Саратове его обязательно встретят, я уже договорилась. Ну пока, Лешенька! Дай маме тебя поцеловать.

Мальчик насупился, но вытерпел «слюнявые нежности».

«Мне необходимо с кем-то посоветоваться!» — думала Женя, провожая взглядом удаляющийся состав и медленно возвращаясь по перрону на привокзальную площадь.

«С кем-то из друзей Игоря. Сама я представления не имею, куда мне обращаться в Москве! Да-да, обязательно необходимо посоветоваться».

С вокзала она отправилась в центр города.

Серое казенное здание РУБОПа, расположенное рядом с суворовским училищем и местным отделением ФСБ, почти закрывали густо посаженные голубые ели. Напротив здания, на гранитном постаменте, задрав залитое свинцом дуло, возвышался танк времен Отечественной войны — произведение местных оружейников.

Евгения подошла к дежурному и попросила его позвонить по внутреннему номеру.

— Полковник Заметалин? Это Евгения Трегубова, здравствуйте. Можно с вами сейчас встретиться? Да, я внизу на вахте.

Через полчаса ей выписали пропуск.

Она поднялась по знакомой лестнице, покрытой красной ковровой дорожкой, вошла в кабинет.

Валеру Заметалина она знала лично. Несколько раз он с женой приходил к ним в гости. Мужчины пили пиво, говорили о работе, женщины обсуждали детей, обменивались рецептами и узорами для вязанья...

Войдя в кабинет, Евгения и не вспомнила о том официальном тоне, которым беседовала с Заметалиным по телефону. Одно дело — при посторонних, другое дело — наедине...

— Привет, Валера, — сказала она, расстегивая верхнюю пуговицу шубы. — Мне необходимо с тобой посоветоваться. Мы можем здесь поговорить?

— Почему нет? Садитесь, — кивнул Заметалин.

Евгения пропустила мимо ушей этот сигнал, это холодное «садитесь» вместо приятельского «садись».

— Игорь передал мне записку, — усевшись на стул напротив заметалинского стола, приглушенным голосом сообщила она.

Лицо Валеры удивленно вытянулось.

— Что?!

— Он просит, чтобы я поехала в Москву, там добивалась правды. Подскажи, к кому мне ехать? Я ничего в ваших делах не понимаю. Куда мне обращаться? В Генеральную прокуратуру? В Администрацию Президента? Или в Военную прокуратуру? Я не знаю...

— Он так и написал, что ты должна поехать в Москву?

— Да. Написал дословно — «дуй в Москву, вытаскивай меня».

Заметалин задумчиво посмотрел в окно, потом спросил:

— Записка с тобой?

— Нет. Я ее сожгла.

Что-то заставило ее соврать...

— Плохо, — нахмурился Заметалин.

— Почему? — испуганно встрепенулась Женя.

Заметалин не ответил.

— Кто ее передал?

— Я не знаю. Принес какой-то молодой человек, поздно вечером позвонил, попросил выйти во двор...

Заметалин выведал у нее подробности, а потом снова уставился в окно.

— А что? Ты думаешь, это провокация?

— Сейчас, одну минуту, — сказал Заметалин, снимая телефонную трубку и той же рукой набирая три цифры внутреннего номера. — Сейчас во всем разберемся.

Евгения кивнула, вздохнула с облегчением.

— Евтюхов, ты? Срочно зайди ко мне, — приказным тоном бросил в трубку Заметалин. Через мгновение Евтюхов материализовался на пороге его кабинета.

— Бери ребят, отправляйтесь к этой гражданке на дом, — кивком показал на Евгению полковник. — Возьмите ее квартиру под охрану до моего распоряжения. С дамы глаз не спускать.

— Это как?... — привставая со стула, прошептала Женя. — Это как понимать? Я что, арестована?

Заметалин посмотрел сквозь нее и еле заметно кивнул.

— Как? — воскликнула Женя. — За что?

— У нас ни за что не арестовывают, — ухмыльнулся Заметалин.

Евтюхов молча подошел к Евгении, взял под локоть и потащил вон из кабинета.

Он вывел ее на улицу, но не через парадный, а через служебный выход. Во внутреннем дворе Евгению запихнули в черный джип. В машине уже сидели вооруженные люди в камуфляже и черных масках. Ошеломленная женщина не могла поверить, что все это происходит с ней на самом деле.

Ее привезли домой. Войдя в квартиру, омовцы распределились по комнатам, а Евтюхов стал требовать у Жени записку.

— Я же сказала, я ее сожгла!

Евтюхов посоветовал подумать.

— Я сожгла ее на кухне!

— Ключи от квартиры!

— Что?

— Ключи от квартиры давай, корова! — замахиваясь на нее, рявкнул Евтюхов.

Женя отдала ему ключи.

Евтюхов по-хозяйски прошелся по квартире. Принес два пустых чемодана, бросил на пол перед Трегубовой.

— Снимай сапоги, шубу. Всю теплую одежду из шкафов складывай сюда! Поворачивайся живее, чего уставилась?

На кухне затрещал телефон. Женя хотела подойти, но ее грубо толкнули обратно в комнату.

— К телефону больше не подойдешь.

Один из охранников снял трубку:

— Да! Кто говорит? Она не может подойти. Что передать?

Когда Евгения сложила в чемоданы всю теплую одежду, Евтюхов придирчиво осмотрел остатки гардероба. Отобрал и бросил на кровать халат, спортивный костюм, кофту и юбку.

— Хватит с тебя. Если еще что понадобится, только с моего разрешения.

Чемоданы он вынес в прихожую, намереваясь забрать с собой. Что не поместилось — приказал унести из спальни в соседнюю комнату, где разместились охранники.

— Где твой щенок?

— У нас нет собаки, — удивленно глядя на Евтюхова, ответила Женя.

— Дурочку строишь?

Хлесткий удар по щеке заставил женщину ахнуть от боли. Слезы сами покатались из глаз.

— Я спрашиваю, мальчишка где?

— Уехал. К бабушке.

— Кто еще в квартире живет?

— Больше никто.

— Теперь можешь спокойно сидеть и реветь. Из комнаты ни шагу. В туалет захочешь — свистни охране, они проводят.

...Остаток дня Женя провела, лежа в кровати. Накрывшись с головой толстым ватным одеялом, она делала вид, будто крепко спит. Сначала охранники то и дело проверяли, чем она

занята, часто без стука открывали дверь и осматривали комнату. Потом постепенно привыкли и стали заглядывать гораздо реже.

Когда стемнело, Евгения выскользнула из кровати и натолкала под одеяло подушек.

«В темноте не разберешь, лежит кто-то или нет», — думала она.

Затем она оделась, стараясь не шуметь. Поверх теплого спортивного костюма с начесом натянула юбку и шерстяную кофту, сверху накинула черный махровый халат. Из гостиной в спальню доносился шум трибун и заводные крики весельчака Николая Фоменко — это охранники смотрели по телевизору популярную программу «Титаны реслинга». Охранники оживленно комментировали происходящее на экране.

«Взять с собой документы, деньги! — лихорадочно соображала Евгения. — Паспорт, офицерский билет Игоря... Что еще?»

Она вытащила из-под стопки простыней и пододеяльников пакет с документами. Приводя в порядок квартиру после первого обыска, она сунула документы в комод вместе с постельным бельем и почти забыла о них. Теперь пригодилось... Если бы тогда она положила их на место, в секретер в гостиной, забрать их с собой не было бы ни малейшей возможности.

Евгения сунула пакет с документами под одежду. Затем подошла к окну, с трудом открыла двойную форточку. В лицо ей пахнуло морозным ветром. На улице было очень холодно. Женщина наступила коленом на подоконник и посмотрела вниз.

Квартира находилась на втором этаже сталинского дома, и ее тюремщикам даже в голову не могла прийти мысль, что окном можно воспользоваться для побега. Это было почти нереально даже для тренированного мужчины, что уж говорить о хрупкой женщине? Но окно спальни выходило не во двор, где дворники чистят снег и скребут асфальт, а на пустырь. Там, метрах в трех от дома, протекал неширокий ручей, почти канава. Летом берега канавы покрывали высокие кусты лозы. Сейчас из-под снега торчали кое-где невысокие красные ветки. За зиму наметенный двухметровый сугроб сровнял канаву с землей.

Евгения взобралась на подоконник, наклонилась, сделала глубокий вдох, оттолкнулась обеими ногами и прыгнула вниз, как прыгают с трамплина в воду...

— А-ах!

Глубокий сугроб, покрытый сверху тонкой коркой наста, хрустнул под ней и осел. Ветки упруго прогнулись под тяжестью тела, но не сломались. Женщина провалилась в снег по самые плечи, но удар оказался мягким, почти неощутимым, словно она прыгнула в подушки.

Выбравшись из сугроба, стуча зубами то ли от холода, то ли от страха, Женя обнаружила, что потеряла один тапок. Пошарила руками в снегу, но в темноте ничего не нашла.

Стиснув зубы и представляя, что она бежит босиком по раскаленному песку на южном пляже, женщина побежала по тропинке мимо гаражей, мимо ограды детского сада к дому подруги. Она жила по соседству, на той же улице.

«Только бы она была дома!!!»

Но в тот вечер судьба ей покровительствовала. Подруга открыла дверь и с изумлением уставилась на окоченевшую фигуру в махровом халате, залепленном снегом, в одном тапке.

... Через несколько часов — раньше, чем охранявшие ее люди успели поднять тревогу, — Евгения Трегубова в чужой одежде, в парике, с паспортом подруги в сумочке и билетом, купленным на чужое имя, вошла в купе проходящего поезда Владивосток — Москва.

Всю ночь она не могла уснуть при мысли, что ее могут обнаружить, догнать, снять силой с поезда. И вернуть в Сибирск под охрану...

Через три часа поезд сделал получасовую остановку на крупной промежуточной станции в одном областном центре. Женя вышла на перрон, прогулялась вдоль состава и обратно. Подходя к своему вагону, она издали еще заметила человека в очках с затемненными стеклами. Он расспрашивал о чем-то проводницу.

Евгения замедлила шаг. Затем остановилась у газетного киоска и в отражении зеркальной витрины незаметно наблюдала, что происходит возле ее вагона. Человек вошел в вагон, затем снова вышел и завертел головой, явно выискивая кого-то в толпе. Затем он снова обратился к проводнице. На этот раз он показал ей что-то в ладони — возможно, удостоверение...

«Или мою фотографию?» — подумала Трегубова.

Проводница равнодушно пожала плечами.

«Она меня не узнает. Но если этот человек сядет в поезд... Они ведь могут задержать отправление на пару минут? Они все могут... Он сядет в поезд, войдет в мое купе и будет ждать меня. Он меня обязательно узнает, несмотря на парик. Попросит проследовать за ним, как это у них говорится... И что тогда?... Как же они меня нашли? Хотя все просто — проверили все билеты до Москвы, купленные перед отправлением на женское имя. Видно, таких было немного... Что же мне делать?»

Евгения отошла от газетного киоска к фонарному столбу и принялась внимательно читать объявления и афиши. Затем повернулась и как бы невзначай посмотрела в сторону своего вагона. Человек не уходил. Стоял рядом с проводницей и присматривался к пассажирам. До отправления поезда оставалось четыре минуты. Все пассажиры спешили занять свои места. У входа в вагон образовалась небольшая толкучка.

«Значит, не судьба, — подумала Евгения. — Хорошо, что я свою сумку не оставила в поезде».

Она поправила оттягивавшую плечо небольшую сумку и направилась к подземному переходу, ведущему к зданию вокзала.

«Все равно я вас обману!» — упрямо подумала она.

На какой вид транспорта при покупке билета не нужно показывать паспорт? Правильно, автобус.

От железнодорожного вокзала до автовокзала было рукой подать — перейти на другую сторону площади. Евгения вошла в кассовый зал, внимательно изучила карту с местными автобусными маршрутами. Затем встала в недлинную очередь и купила билет на рейс до соседнего областного центра.

— Долго автобус будет идти? — спросила она у кассирши.

— Пять часов, — нелюбезно ответила кассирша.

«Отлично! — улыбнулась про себя Евгения. — Заодно и выплюсь!»

Она дождалась своего рейса в кафетерии на втором этаже автовокзала. Патрульные милиционеры туда почти не заглядывали, а больше ей некого было опасаться...

Пять часов Женя Трегубова безмятежно проспала, устроившись в мягком откидном кресле старенького «Икаруса».

Прибыв в соседний областной центр, она перебралась в аэропорт и купила билет на Москву. Тут уж пришлось предъявить свой паспорт — она совершенно не была похожа на подругу. С другой стороны, Женя не слишком волновалась: немного зная милицейские порядки, она понимала, что в другую область данные о розыске передадут, только если будет объявлен всероссийский розыск. А представить такого она не могла... А теперь нужно поскорее в Москву.

Все сошло благополучно, хотя она успокоилась, только когда самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы и взял курс на столицу.

Через несколько часов Женя Трегубова уже была в Москве.

2

Признаюсь сразу — обожаю брюнеток. Они какие-то более естественные, чем светленькие, не говоря уже о крашенных блондинках. Контраст опять же — сразу видно, где кончаются волосы и начинается лицо. Конечно, если она не негритянка. И потом я заметил, брюнетки оценивают себя гораздо более адекватно, чем блондинки, которые почти всегда питают иллюзии по поводу магнетической привлекательности своей масти для подавляющего количества мужчин. А брюнетки прекрасно знают себе цену. Когда мужик вдоволь насмотрится на золотистую копну на чьей-то голове, всласть побьет копытом, усладит, так сказать, взор, то обязательно придет к ней, темноволосой красавице. Давно известно, что глядеть лучше на блондинок, а вот если дойдет до всего остального, тут уж брюнетку подавай.

Ладно, раскрою карты — именно такая, жгучая брюнетка сидит сейчас рядом со мной. У нее волшебное музыкальное имя — Иоланта, тонкие музыкальные пальцы, звонкий музыкальный голос, и вообще учится она в консерватории. Кутается в роскошную шубку из шиншиллы, то и дело затягивается тонкой сигареткой и напевает арии из неизвестных мне опер.

Познакомился я с Иолантой часа два назад на концерте в Большом зале консерватории, куда меня пригласила одна клиентка, впоследствии оказавшаяся матерью темноволосой красавицы. Дело в том, что я совсем недавно блестяще закончил одно дельце по наследству, в результате которого моя клиентка отхватила здоровый куш. Без ложной скромности замечу, что, если бы не ваш покорный слуга, ее доля оказалась бы раза в три меньше. Ну разумеется, я получил солидный гонорар, на который тут же приобрел новую машину. А в качестве привеска к гонорару — еще и Иоланту. Разумеется, мамаша ее, чуть ли не со дня рождения дочери, носится с идеей найти подходящую партию, ну и вот молодой, подающий надежды адвокат, чем не жених? Наверное, она думает, что у меня, простого адвоката из юрконсультации номер десять Юрия Гордеева, гонорары, как у Генри Резника...

С другой стороны, видели бы вы мою новую машину... Если кто помнит, свой последний старенький «жигуль» я разбил и с тех пор ездил на древней машине, доставшейся мне в наследство от отца. И вот наконец-то сбылась мечта идиота — с гонорара я купил замечательный «опель», совсем немного подержанный. Машину пригнали по моей просьбе из Германии, поэтому она обошлась чуть ли не в два раза дешевле, чем в Москве. Посмотрели бы вы на мою красавицу! Серебристого цвета, приземистая, с тонированными стеклами, мощным движком и тысячью разных примочек — от кондиционера до автоматического управления стеклами. А какой ход! Короче говоря, видимо заметив «опель» и соответствующим образом оценив мое материальное положение, мамаша и приняла решение...

Так вот, затащила она меня на концерт, а оказалось, что на самом деле это смотрины. Познакомила со своей дочкой, которая, чего скрывать, мне очень понравилась, тем более что оказалась брюнеткой. Ну и мы с Иолантой отправились в свободное плавание. Она оказалась девушкой веселой, непосредственной и неглупой. Ей самой порядком надоели многочисленные попытки матери выдать ее замуж повыгоднее, которые, кстати говоря, возымели обратное действие — Иоланта напрочь перестала реагировать на мужской пол. А уж своих сокурсников, каждый из которых, разумеется, воображал себя будущим лауреатом всех международных конкурсов, так и вовсе перестала замечать. Короче говоря, Иоланта превратилась в этакую царевну Несмеяну, которую все вокруг пытались развлечь, но никому еще не удалось. В роли следующего претендента выступил ваш покорный слуга.

В антракте мать тактично удалилась, бросив на дочь заботливый взгляд и сославшись на неотложные дела. Без ложной скромности замечу, что мне удалось растормошить Иоланту, и к середине второго акта окружающие все время шикали, призывая прекратить перешептыва-

ния и сдавленные смешки. Несмеяна оттаяла, раздумянилась и засверкала глазками. В конце концов я сказал ей на ушко:

— Может быть, хватит разумного, доброго и вечного на сегодня?

Иоланта с готовностью кивнула:

— Честно говоря, мне эта симфоническая музыка давно в печенках сидит.

И под презрительные взгляды меломанов мы покинули зал.

Вечер прошел великолепно. Мы разъезжали по заснеженной Москве, время от времени останавливаясь у баров, были на площадке у университета, откуда открывается замечательный вид на Москву, прогулялись даже по Красной площади. Не могу сказать, что я очень уж увлекся, но Иоланта мне действительно понравилась. Она почти не закрывала рот, что-то щебетала о своей студенческой жизни, рассказывала о женихах, которых то и дело подсовывала ей мать. Короче говоря, под конец мы «совершенно случайно» оказались неподалеку от моего дома, и я пригласил ее на чашку кофе. Иоланта не стала кокетничать и согласилась.

Мы подъехали к дому, и я заглушил двигатель (надо сказать, каждая манипуляция с моей новой машиной доставляла мне истинное удовольствие).

— Это и есть твой дом? — несколько разочарованно протянула Иоланта.

Я кивнул. С тех пор как я лишился своей квартиры, мне приходилось снимать жилье где попало. Часто район, да и сам дом оказывались довольно непрезентабельными. Вот и сейчас я жил в общем-то недалеко от центра, но в довольно-таки мрачном, темном и не внушающем никаких радостных мыслей (особенно унылой московской зимой) районе. Так и казалось, что из темных проходных, освещаемых слабым светом раскачивающихся на ветру грязных лампочек, выйдет какой-нибудь бандит, а то и целая шайка...

— Там внутри вовсе недурно, — сказал я не слишком-то уверенно. И тут поймал прямо-таки наполненный ужасом взгляд Иоланты.

— А-а... — издала она тихий гортанный звук и указала пальцем в окно машины.

Я повернул голову и сам, честно говоря, похолодел. За боковым стеклом маячил темный силуэт. Вернее, силуэтом это было назвать трудно, потому что форма, которую обычно имеет человеческая фигура, в нем угадывалась с трудом. Мохнатая шуба, огромная пушистая шапка, и, главное, под темно-коричневым мехом головного убора... не было лица. Видно, именно это так напугало мою спутницу. А на месте лица неизвестного (или неизвестной?) были сплошные пряди огненно-рыжих, ярких даже в полутьме волос.

— К-кто это? — слабым голосом вымолвила Иоланта.

Я мужественно хмыкнул и придал лицу решительное выражение.

— Сейчас узнаем!

Секунду спустя все выяснилось. Человек поднял руку, поправил шапку и съехавший на лицо парик. После чего бесформенный силуэт превратился в женщину.

— Уф-ф, ну и шутки! — воскликнула Иоланта. — Это что, твоя знакомая?

— Нет, — произнес я. В полутьме лицо разглядеть было трудно, но я мог дать голову на отсечение, что ее не знал.

Между тем женщина подошла ближе и постучала в стекло. Я нажал кнопку управления окнами, и стекло опустились.

— Юрий Петрович Гордеев? — спросила она.

Надо сказать, женщина была довольно милостива, даже можно сказать красива. В холодном свете фонаря ее лицо имело мертвенно-бледный синеватый оттенок. А может быть, оно действительно было бледным?

— Да, это я.

— Я к вам. Меня направил...

Вдруг в глубине двора я заметил короткую вспышку. Одновременно с этим послышался негромкий хлопок и стук, как будто в дверцу моей машины кинули камешек. Я скосил глаза

и заметил... Что бы вы думали? Дырку! В дверце моей новой машины! И самое главное, могу поспорить, что дырка эта образовалась вследствие выстрела! А стреляли наверняка в эту женщину.

— Быстро садитесь в машину! — скомандовал я.

— Что? — переспросила незнакомка. Конечно, она не заметила ничего подозрительного. Краем глаза я заметил вторую вспышку.

— Ох! — тихо вскрикнула женщина и стала медленно оседать, успев схватиться за наполовину опущенное боковое стекло. Я открыл дверь и быстро втащил ее в машину.

— Тяни! — скомандовал я Иоланте, которая, раскрыв рот, наблюдала за этой странной сценой. Впрочем, она не растерялась и, схватив незнакомку за меховой воротник, стала изо всех сил тянуть ее в салон.

Я захлопнул дверь, повернул ключ и резко вдавил в пол педаль акселератора. Мотор взревел, машина легко развернулась вокруг своей оси, и через пару секунд мы уже неслись по улице. Я глянул в зеркало заднего вида. Вроде никого. Улица была пуста, если не считать ободранного кота, ищущего теплого пристанища на ночь.

— Что это было? — спросила Иоланта.

Я пожал плечами:

— Не знаю. Сейчас надо разобраться с ней. Она наверняка ранена.

— Что? — округлила глаза музыкантша.

— Ну да. Стреляли ведь, — небрежно объяснил я. Присутствие духа в общении с женщинами при любых обстоятельствах — это самое главное. Советую мужчинам взять это на заметку.

В глазах Иоланты застыл ужас. Я похлопал ее по руке:

— Не волнуйся. Ничего страшного. Нам же удалось уйти...

И тут же я почувствовал у себя на ноге что-то теплое и липкое. Конечно, незнакомку ранила пуля неизвестного стрелка. Я перевернул ее и откинул полу шубы — на бедре расплывалось темное пятно.

Иоланта еще больше округлила глаза (хотя, мне кажется, сделать это было уже невозможно) и медленно повалилась набок.

Нет уж! Две женщины без сознания в моей машине — это уже многовато, вы не находите? Я похлопал Иоланту по щеке свободной рукой, потом попытался привести в чувство незнакомку. Никакого эффекта. Впрочем, через несколько секунд Иоланта снова открыла глаза.

— Это кровь! — обреченно произнесла Иоланта. — Она ранена!

Я кивнул:

— Ну да. Ранена. И кровь идет. Что же тут удивительного?

Иоланта помассировала виски и решительно произнесла:

— Знаешь, отвези меня домой, пожалуйста.

Вот так неожиданные обстоятельства мешают нам в самых лучших начинаниях. Если бы не этот случай, мы бы спокойно продолжили вечер у меня. А там, глядишь, и, возможно, убежденный холостяк Юра Гордеев изменил бы своим принципам. Уточню — я сказал «возможно»! А теперь из-за какого-то неожиданного и странного случая все идет насмарку...

Спорить я не мог — подвергать девочку неизвестным даже мне самому испытаниям я не мог.

— Хорошо, только давай-ка я окажу ей первую помощь и переложу на заднее сиденье.

Хорошо, что сейчас в каждой машине требуется иметь аптечку. Я остановился, перетащил незнакомку на заднее сиденье, перевязал ей ногу и кое-как наложил жгут, чтобы остановить кровь. Пуля прошла насквозь, задев бедро с самого края. Ей повезло — если бы оказалась повреждена артерия, пришлось бы гораздо хуже. Пока я возился с раной, она открыла глаза.

— Что случилось?

— Не волнуйтесь. Вы вне опасности. Лежите спокойно, и все будет нормально. На всякий случай я ей дал пару таблеток и удобно устроил на сиденье.

— Надо позвонить в милицию, — подала голос Иоланта.

Совет, надо сказать, стоящий. Давно надо было это сделать. Я достал сотовый телефон и только собрался набрать 02, как незнакомка протестующе замахала руками.

— Нет! Не надо милицию! — слабым голосом вымолвила она.

— Почему? — поинтересовался я.

— Они меня ищут... Они меня арестуют... Не надо звонить, — умоляюще протянув руки, ответила незнакомка.

Вот не было печали... И откуда на мою голову валятся такие странные люди? Она вроде сказала, что ее ко мне кто-то направил? Интересно, кто этот «доброжелатель»?

Я положил телефонную трубку на место и сел за руль. Судя по всему, у нее есть причины не встречаться с правоохранительными органами. Хм... У кого обычно бывают такие причины? У преступников. Но если кто-то из жителей дома был свидетелем стрельбы, то нам всем несдобровать. Хотя, судя по всему, оружие, из которого стреляли, было с глушителем, во дворе я вроде никого не заметил, а дырки от пуль можно будет заделать без лишних разговоров. Если только не вездесущие бабульки... Впрочем, скорее всего, в такое время они уже видят десятый сон. Я чувствовал, что не надо упорствовать и звонить в милицию. Во всяком случае, до тех пор, пока не выясню, в чем тут дело...

Сейчас прежде всего надо отвезти домой Иоланту, которая уж точно не имеет к происходящему никакого отношения. К тому же моя музыкантша, кажется, совершенно сникла.

Ехали молча. Незнакомка сзади, кажется, задремала, а Иоланта с совершенно отсутствующим видом глядела в окно.

— И... часто с тобой такие вещи случаются?... — наконец произнесла она.

— Ну, не так чтобы каждый день, — скромно отозвался я. — Но бывают разные... приключения. Иногда.

Иоланта засопела и украдкой взглянула на меня. Кажется, ее испуг перешел в уважение к спутнику, то есть ко мне.

— А я думала, адвокаты только в кабинетах сидят и на суде выступают. Бумажки разные пишут...

— Бывает и так. А бывает...

— Что?

— Ну-у... всякое бывает... Работа такая... Приехали. Вот твой дом.

Иоланта поплотнее запахнула шубку:

— А ты мне как-нибудь расскажешь о своих приключениях?

— Конечно. Только в следующий раз.

Она наклонилась ко мне и поцеловала. Клянусь, это был не просто поцелуй. Я мысленно поздравил себя с победой и проводил взглядом мою новую знакомую...

Теперь предстояло решить, что делать с неожиданным сюрпризом, нежданно-негаданно свалившимся мне на голову в виде незнакомой женщины, в которую стреляют из глубины моего собственного двора! Я повернулся. Незнакомка не спала, она смотрела на меня и даже улыбалась.

— Я вам, кажется, помешала, да? — спросила она.

— Нет... То есть немного.

— Извините. Но я вас ждала почти два часа.

— На таком морозе? — изумился я.

— Да.

— И как же вы не замерзли?

Она пожала плечами:

— А что было делать? Я в Москве никого не знаю, кроме Александра Борисовича. Так вот кому я обязан этим «подарком»!

— Турецкого?

— Да. Я как приехала, сразу позвонила ему. А он направил меня к вам. Телефон не отвечал, и я решила отправиться прямо на квартиру.

— Ясно...

На самом деле мне пока еще не было ясно ровным счетом ничего. Разве что одно — просто так, без серьезной причины мой старший друг и учитель, Александр Борисович Турецкий, старший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры, не станет кого-то направлять ко мне. А судя по тому, что в женщину к тому же еще и стреляли, дело действительно серьезное.

— Как ваша нога?

— Болит. Но кровь, кажется, не идет.

— Все равно вам нужно срочно к врачу.

— В такое время?

— Конечно. Поедем в ближайшую больницу.

— Нет! — вскрикнула она. — Не надо в больницу.

— Почему это? Милицию — я еще могу понять, но почему нельзя в больницу?

— Они могут меня выследить.

— Не волнуйтесь. У меня есть знакомый врач, который все сделает без регистрации.

Из больницы мы вышли уже около часа ночи. Мой знакомый врач «Скорой помощи» сделал все быстро и без лишних вопросов.

К счастью, рана оказалась незначительной — пуля только содрала кожу, так что моя новая знакомая смогла самостоятельно покинуть больницу.

Вообще-то пора было ехать домой, но возвращаться туда, где, возможно, засел снайпер... сами понимаете, не очень хотелось.

— Ну а теперь расскажите мне, что все это значит? Кстати, как вас зовут?

После перевязки она явно приободрилась и даже как-то похорошела. Особенно когда сняла дурацкий рыжий парик. Кстати, как я уже говорил, оказалась она брюнеткой с большими глазами и тонкими чертами лица, моего возраста или чуть младше, вполне привлекательной, если не считать тревожного выражения и воспаленных глаз. А как бы вы выглядели, если б вам ни с того ни с сего прострелили ногу? Хотя так ли уж неожиданно для моей новой «клиентки» это произошло?

Кроме того, она была как-то странно одета. Мохнатая довольно старая шуба, которая явно была ей велика, шапка, все время наезжающая на глаза, старые, давно вышедшие из моды сапоги. Сзади к шапке была пришита длинная резинка, которую надо было пропускать под верхнюю одежду и под мышками. Видимо, чтобы ветер не сдул и воры не сорвали. Так делают в провинции... Впрочем, то, что она приехала в Москву из глубинки, можно было заключить и по отсутствию характерных московских интонаций в голосе.

А в больнице, где ей делали перевязку, я заметил, что и остальная одежда была ей явно велика. Что бы это значило?

— Меня зовут Женя... Евгения Трегубова. Я приехала из Сибирска.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Ясно. С какой целью?

— Мне нужна ваша помощь.

— Вас преследуют?

Она кивнула.

— Вы бежали в чужой одежде?

— Да... И с чужим паспортом.

— Поэтому вы не хотели, чтобы я вызывал милицию?

— Да. Но не только поэтому. Даже совсем по другой причине.

— Хорошо. Это вы потом расскажете. Кто мог в вас стрелять?

Трегубова беспомощно оглянулась:

— Не знаю. Но, скорее всего, их послали из РУБОПа.

Я чуть не подпрыгнул от удивления:

— Как это — из РУБОПа?! Вы хотите сказать, что те, кто борется с оргпреступностью, нанимают киллеров, которые стреляют во дворах?

Она пожала плечами:

— Я не могу точно сказать. Но похоже на то. Во всяком случае, я бежала из-под стражи, которую установили из РУБОПа.

Чувствую, тут без поллитры не разобраться. И уж во всяком случае, надо вернуться домой, чтобы спокойно выслушать рассказ Трегубовой.

— Ладно, а как, по-вашему, они вас выследили?

— Не знаю. Наверное, следили от самого аэропорта.

— А они знают, у кого вы были в прокуратуре и к кому вас направил Турецкий?

Она помотала головой.

— Нет. Скорее всего, они наблюдали с улицы.

— Хорошо. А почему они не стреляли, пока вы ждали меня во дворе?

— Наверное, хотели узнать, с кем я собираюсь встретиться.

— Странно. И совершенно нелогично. Ладно, сейчас мы поедem ко мне. В доме есть черный ход, им и воспользуемся...

К счастью, в дом мы проникли без приключений. Машину пришлось оставить прямо на улице, со стороны фасада дома, полностью положившись на хваленую, разрекламированную повсюду автосигнализацию. И все равно, оставляя свой новенький «опель» на опасной московской улице, я был неспокоен. Как оказалось, предчувствия меня не обманули... Но об этом после.

Если честно, перед тем как войти в квартиру, я долго оглядывал комнату, пытаюсь обнаружить, не прячется ли кто в глубине. Хотя, скорее всего, те, кто следил за Евгенией Трегубовой, действительно не знали, к кому именно она приехала. С другой стороны, они дождались моего приезда и только после этого открыли стрельбу. И потом по машине можно было вычислить хозяина, то есть меня... Все эти догадки, как вы понимаете, хорошего настроения мне не прибавляли.

Первым делом я напоил свою нежданную гостью горячим чаем, что для нее оказалось весьма кстати.

— Ну а теперь расскажите, что вас привело сюда и как вы объясните все, что произошло?

Трегубова поудобнее устроилась на диване, поплотнее закутала ноги теплым шерстяным пледом и достала из сумочки маленький клочок бумаги.

— Вот, посмотрите.

Кто-то очень постарался, чтобы написать сообщение такими микроскопическими буквами. Я с трудом разобрал краткий текст:

«Женя! Спрячь Лешку и дуй в Москву. Вытаскивай меня! Игорь».

— Ясно. — Я вернул бумажку Трегубовой. — Что это значит и кто такой этот Игорь?

— Это мой муж. Игорь Трегубов.

— И откуда вы его должны выручить?

— Из тюрьмы. Его забрали больше двух недель назад. И с тех пор это единственная весточка, которую я от него получила.

— Ладно, — сказал я, подливая чаю, — а теперь расскажите все с самого начала, по возможности не упуская никаких подробностей.

— Можно у вас курить?

— Конечно.

Она нервно зажгла сигарету, затянулась и начала:

— Раньше мы жили в Иркутске. Много лет жили, с тех пор как Игоря направили туда после окончания Омской школы милиции. Поженились мы восемь лет назад, Игорь на десять лет меня старше. Постепенно он дослужился до начальника одного из отделов местного РУБОПа. Все было хорошо, на работе его уважали. Все прочили ему через несколько лет должность начальника Иркутского РУБОПа. Если бы мы там остались, ничего не произошло бы...

Она закрыла лицо руками и заплакала. Пришлось подождать некоторое время, пока Трегубова придет в себя и продолжит свой рассказ.

— И где-то примерно год назад из Москвы пришло распоряжение о том, что нужно срочно подыскать кандидатуру на должность нового начальника РУБОПа в Сибирске. Тамошнего сняли за взятки, было довольно громкое дело. Не слышали?

Я неопределенно кивнул. Честно говоря, снимают начальников РУБОПов по России немало, и если следить за этим...

— Игорю пообещали множество разных благ — звание вне очереди, квартиру, хорошую зарплату, большую перспективу на повышение, возможно, даже в Москву... Мы с ним вместе подумали, подумали, да и решили, что ехать стоит. Все-таки Сибирск областной центр, так что Игорь явно шел на повышение. Короче говоря, приехали мы, местная администрация не подвела. Все исполнили, как и обещали. Квартиру сразу дали хорошую, почти в центре, недалеко от работы, через месяц Игорь получил подполковничьи погоны. В общем, и он, и я были довольны.

А потом... Знаете, он мне ничего не рассказывал, как там и что на работе, но все-таки иногда и до меня доходили слухи. То в газетах напишут, что планируется большая операция РУБОПа по очистке города от преступности, то по телевизору промелькнет какое-то сообщение. Я даже несколько раз заводила разговор с Игорем, но он только отшучивался. Дескать, не женское это дело — борьба с оргпреступностью... Потом эти разговоры вроде бы утихли, но зато Игорь стал часто пропадать на работе чуть ли не сутками. И вот в один прекрасный день, перед этим Игорь как раз не ночевал дома, по местному каналу передали, что ночью проведена специальная операция под кодовым названием «Капкан». Что милиции удалось арестовать всю верхушку Севмаша...

— А что это такое?

— Севмаш? О-о, это в нашем городе, можно сказать, все. И власть, и суд, и бизнес... Проще говоря, севмашевской группировке принадлежит не только весь город, но и вся область. Я, конечно, мало знаю, но поговаривают, что и сам губернатор Шварц у них на содержании.

— Понятно... Значит, это преступная группировка, с которой новый начальник РУБОПа решил начать борьбу?

— Да, — кивнула Женя. — И зачем это он затеял? Сидел бы тихо-мирно, а потом и в Москву, глядишь, перевели бы...

— Вообще-то, — заметил я, — борьба с оргпреступностью есть прямая обязанность РУБОПа, что следует из названия...

— Конечно. С одной стороны, это так, — согласилась Трегубова, — но с другой... Знаете, если вы спросите сто прохожих на улицах Сибирска, чего больше, вреда или пользы, принес им Севмаш, то гарантирую — почти все будут благодарны этим неофициальным хозяевам города.

— Почему?

— Да потому что, пока не было Севмаша, город просто загибался. В самые дикие времена, первые годы Ельцина, не работал ни один крупный завод, включая и сам Севмаш, от которого и получила название группировка. Люди просто голодали, на улицах каждый день где-нибудь да стреляли. Это нам старожилы рассказывали. А потом появился Севмаш. Запу-

стили завод, потихоньку прибрали к рукам всю промышленность, торговлю. Поставили своего мэра, говорят, и губернатор их человек. Люди получили работу, пусть грошовую, но хоть что-то... На заводах платят мало, но регулярно, а это в наше время редкость. Так что народ будет за Севмаш...

— В удивительное время мы живем, — отозвался я, — и в удивительной стране. Люди защищают преступников, которые их же и обирают.

— Да, но ведь государство еще больше обирает, — возразила Трегубова.

Ответить было нечего, и я попросил ее продолжить рассказ.

— Игорь несколько дней ходил радостный и гордый. Еще бы — мафию победил. А потом постепенно бандитов начали выпускать. Кого под подписку о невыезде, кого под залог. Говорили, суммы взяток были просто астрономические. И в итоге через полтора месяца все оказались на свободе.

— Обычная история...

Женя кивнула:

— А потом начались звонки. Какие-то люди угрожали Игорю, мне, сыну... Потом однажды Лешка пропал. Я чуть с ума не сошла, но к вечеру он появился. Позвонили и сказали, что это, мол, предупреждение Игорю, чтобы он не совал нос куда не надо.

— И что, преступников не нашли?

— Нет, — покачала головой Женя, — какое там, сына забрали со школьного двора, сказали, что папа послал за ним, посадили в машину и куда-то повезли, а на голову надели мешок. Так и не снимали, пока вечером не подвезли к нашему дому и не высадили. Это было два месяца назад. После случая с Лешкой я потребовала от Игоря, чтобы мы скорее уезжали из Сибирска. Куда угодно, хоть обратно в Иркутск, хоть к черту на рога, но чтобы безопасно...

— И как он отреагировал?

— Знаете, Игорь уже сам начал понимать, что ему с севмашевцами не справиться. Тем более, я думаю, он был почти один. И вроде Игорь согласился. Но вы понимаете, это все так быстро не делается, он не последний человек, начальник областного РУБОПа... И вот в один прекрасный день его арестовали. Потом пришли домой с обыском. Был только Лешка с друзьями, омоновцы — несколько человек с автоматами — искали чего-то... Я все пороги обила, чтобы сказали хотя бы, где он, что с ним, в чем его обвиняют. Никакого ответа. И к губернатору ходила, и к кому хотите.

— Но вам не могли отказать в свидании.

— Не могли, да отказали, — горько усмехнулась Женя, — сказали, дескать, «ввиду особой серьезности преступления, совершенного вашим мужем, общение не представляется целесообразным». Понимаете? И все. Я уже не знала, что мне делать, как в один прекрасный день позвонил неизвестный человек. Принес молоток. А под слоем изолянта на ручке молотка была вот эта самая записка. Я, конечно, запаниковала. Быстро отправила Лешку из города к родственникам, а сама пошла к одному приятелю Игоря в РУБОП. Мы дружили семьями, бывали в гостях друг у друга... Пришла, сказала, что так и так, Игорь прислал записку. Спросила, что делать. А он... Вызвал подручных, и меня посадили под домашний арест. Отобрали теплую одежду, документы. После истории с Игорем я от них могла ждать все, чего угодно, понимаете? Пришлось бежать. Выпрыгнула из окна, добежала до подруги, взяла у нее вещи, какие были, выпросила паспорт и вот приехала в Москву.

— Ясно. Но почему вы все-таки так уверены, что стреляли в вас люди, нанятые РУБОПом?

— Ну, может, не РУБОПом. Может, севмашевцами. Какая разница?

Я покачал головой:

— Нет. Просто так за вами не будут тащить в Москву, чтобы совершить убийство. Для этого должны быть веские причины. Понимаете? То, что вы жена опального начальника

РУБОПа, — этого для заказного убийства недостаточно. И кстати, для задержания и домашнего ареста — тоже.

Женя вздохнула. Но мне показалось, как-то не слишком искренне. Вроде знает она что-то, но говорить не хочет.

— Я действительно не понимаю.

— Но о чем-нибудь догадываетесь? — настаивал я.

— Не знаю... Может быть, они думают, что мне известно что-то о делах мужа? Что он меня посвящал в детали своих операций?

— А на самом деле?

— На самом деле — нет. Правда нет.

— То есть вы хотите сказать, что бандиты решили убрать вас на всякий случай?

— Все возможно. Только у меня предчувствие — пока жива я, жив и Игорь...

И она тихо заплакала.

Я понял, что больше мне из нее ничего не выжать, и переменял тему:

— А как вы нашли Турецкого?

— Я вспомнила, Игорь один раз с ним пересекался по какому-то делу. Хороший человек, очень обаятельный, умный. Фамилию, конечно, я запомнила. Вот приехала — и сразу в Генпрокуратуру. Александр Борисович принял меня, выслушал и сказал, что едет в командировку и заняться моим делом не сможет. И порекомендовал к вам обратиться. Он звонил несколько раз, но вас дома не было. А сотовый не отвечал...

— Да, я его отключил, — почему-то смутился я, — я был на концерте симфонической музыки.

— Ну вот. Я вас ждала во дворе. А дальше вы все знаете.

Она вынула из пачки еще одну сигарету и щелкнула зажигалкой.

— Значит, если я вас правильно понимаю, вы хотите, чтобы я защищал вашего мужа?

Женя кивнула:

— Да. И меня тоже. Конечно, по возможности. Ведь мне никакого обвинения не предъявили.

Я вздохнул. Защищать арестованного начальника областного РУБОПа, которого местная мафия засадила за решетку, конечно, можно. Но только результат, скорее всего, будет нулевой. Наверняка обвинение хорошо продумано, возможно, Трегубову устроили какую-нибудь ловушку, в которую он и попался. Судьи в этом Сибирске наверняка тоже скуплены на корню, не говоря о ГУВД. Так что исход суда первой инстанции практически предрешен. Надежда только на то, что, подав кассационную жалобу, мы выведем дело Трегубова из-под влияния областных князьков на более высокий уровень, куда, возможно, их щупальца не доходят. Но дело это мутное, долгое. И уж простите мне мой цинизм, практически, видимо, безденежное. Хорошо еще, если мне оплатят командировку в Сибирск...

Женя, будто бы прочитав мои мысли, сказала:

— Только о деньгах не беспокойтесь. Они есть. В надежном месте хранятся, Игорь на новую машину откладывал. И еще, если все окончится хорошо, то мы все равно переедем. И квартиру продадим. А она немало стоит. Так что вы не волнуйтесь, все расходы я беру на себя и гонорар тоже будет... на уровне. А на первоначальный взнос в кассу у меня есть... Только вытаците его! Умоляю, вытаците!

И она снова заплакала.

Надеюсь, вы не думаете, что сердце Юры Гордеева сделано из куска гранита? Разве я мог не отозваться на просьбу о помощи женщины, которая сидит у меня дома, рыдает и надеется только на меня одного?

Я согласился...

3

Единственный сторож, в ведомство которого, кроме кладбища, входил еще и Николаевский храм, сидел в своей будке возле центральных ворот и практически ничего не слышал. Ветер завывал, трещали старинные клены, с неба сыпала ледяная манка, заноса все двухметровыми сугробами. Собаки сторожа, выставленные хозяином за дверь будки, забились в теплый угол под фундаментом, сбились в кучу и улеглись почти что друг на дружку. На вторжение неизвестных на территорию кладбища они никак не отреагировали. Подняв морды, собаки сонно проследили за удаляющимися темными фигурами незнакомых людей и снова свернулись клубками, уткнув носы в собственные животы.

Четверо охотников за цветными металлами разбежались по кладбищенским аллеям. Они еще днем присмотрели подходящие надгробия. Оставалось отыскать в кромешной темноте, за снежной пеленой, нужные могилы, отколоть ломом бронзовые и медные детали памятников и унести ноги... Остальное — дело техники. Скупщиков цветных металлов везде хоть отбавляй...

Подсвечивая дорожки фонариками, воры добрались до седьмой линии — так называлась отдаленная аллея на западной стороне кладбища, где хоронили «новых русских» и других значительных персон города. Старое Николаевское кладбище, расположенное в исторической части Сибирска, было закрыто для обычных захоронений, но администрация умела угодить богатым клиентам, изыскивая свободные места за счет сноса бесхозных могил...

— Эй! — окликнул сообщников заводила всей шайки. — Стойте! Это должно быть где-то здесь!

— Ничего не видно...

— Да вот же! Сюда!

Они не таились, кричали громкими голосами, стараясь перекрыть пургу.

Все четверо остановились и оглянулись.

— Посвети-ка мне...

Тусклые лучи карманных фонариков запрыгали по мраморным плитам, залепленным снегом решеткам, утонувшим в снегу венкам вечнозеленых искусственных цветов...

Заводила смел перчаткой снег с одного памятника. Открылись крупные бронзовые буквы и массивный медальон в виде лаврового венка.

— Точно, здесь! Начинайте.

Пока двое, старательно пыхтя и сопя, сбивали ломом буквы и бронзовый медальон, третий сообщник шарил фонарем по соседним могилам. Четвертый грабитель вел себя странно — он то и дело щелкал фотокамерой. Белый слепящий свет фотовспышки освещал темную кладбищенскую аллею, словно молния. Но никто не обращал на него внимания. Видимо, присутствие человека с фотокамерой грабителей не пугало.

— Потом сюда идите, — командовал заводила. — Тут тоже есть... Латунь вроде бы. Или бронза?

Это был животрепещущий вопрос. За разные виды цветных металлов платили по-разному. Воры чувствовали себя старателями, отделявшими ценную руду от песка...

— Потом разберемся, Костыль! Хватай, и сматываемся.

— Стойте, стойте, я тут где-то видел железную бабу.

— Какую бабу? Пора идти!

— Бронзовую! А! Вон она!

Троица грабителей перешла в конец аллеи и остановилась в нерешительности перед высоким, наполовину заметенным снегом памятником.

На высоком гранитном валуне сидела едва угадываемая под слоем снега ангелоподобная женщина, печально закрыв ладонями лицо. На обратной стороне гранитного постамента бронзовыми буквами была набрана какая-то эпитафия, но буквы так занесло снегом, что надпись совершенно не читалась. Да и бронзовый ангел, нелепо облепленный снегом, утратил свою поэтическую возвышенность и походил на сидящего снеговика.

— Да, мощная фигура, — почесывая затылок, согласились сообщники. — Только как ты ее достанешь? Она же полтонны весит.

Четвертый, обвешанный фотокамерами, тоже подошел к ним и остановился возле могилы.

— Не ной, — ответил Костыль. — Давай попробуем.

Скульптуру попытались бить ломом, надеясь, что она расколется на несколько мелких и легких частей. От ударов снег осыпался, открывая лик и руки ангела. Гранитный валун пошатнулся, затрещал, скульптура зашаталась и рухнула с постамента, но не раскололась.

— Вы ее за ноги держите, а я попробую башку отбить, — предложил Костыль.

— Давай.

Он махал ломом, пока не вспотел, но все напрасно.

— Может, хватит? — советовали более робкие поделщики. — Шума слишком много. Да и сматываться пора давно...

— Подождите, жалко ее бросать, — заявил обуянный жаждой наживы Костыль. — Одна башка килограммов двадцать потянет. Сейчас я ее кувалдой пару разогрею... О, легче пошла. Вы пилите, Шура, пилите, — смеясь, подбодрил парень самого себя, — внутри они золотые!

Он полез в мешок и достал маленькую электропилу.

— Реклама фирмы «Бош»!

Зубчатый стальной диск пилы с оглушительным визгом впился в шею бронзовой женщины. Веер огненных брызг вырвался из-под диска. Двое поделщиков отошли в сторону, зажали уши. Четвертый вертелся вокруг, щелкал затвором фотокамеры.

— Теперь раза два ломиком долбанем... Опля, и готово!

Костыль поднял с земли отрезанную голову.

— Э, а кочерыжка эта внутри пустая, — слегка разочарованным голосом сказал он, осматривая место среза. — Ну ладно, все равно весу немало...

— Хватит, сваливаем отсюда, — заторопили его приятели.

— Не гоните! — бахвалясь, отвечал парень. — Сначала снимусь в обнимку с трофеем.

Как заправский охотник, сумевший в одиночку завалить дикого кабана, Костыль с гордостью водрузил свою правую ногу на обезглавленную поверженную статую, а отпиленную голову положил на колено.

— Давай, очкастый, снимай.

Очкастый пару раз щелкнул камерой с разных точек, потом поменял объектив и щелкнул еще пару раз.

— Хватит. Теперь сматываемся.

— Пошли!

Тем же путем, каким они проникли на территорию кладбища, вору вынесли награбленный металлический лом и мешки с инструментами. Вся операция заняла у них не больше часа...

Ранним туманным утром следующего дня у ворот Николаевского кладбища остановился роскошный синий «джип-чероки». Из машины вылезли двое похожих друг на друга мужчин средних лет, в представительных темных пальто и шелковых кашне. Один из них держал в руках букет белых роз.

Шлепая начищенными туфлями по жидкой снежной каше, мужчины двинулись к воротам кладбища. Бросив, как положено, мелочь просящим милостыню бабушкам, они прошли в ворота и зашагали по кленовой аллее к седьмой линии.

Василий и Кирилл Расторгуевы приходили на кладбище трижды в год — в день рождения их старшего брата Михаила, в день рождения жены Кирилла и в день их внезапной гибели... Старший Расторгуев и жена Кирилла погибли в один день — в «мерседес» Михаила ночью кто-то подложил взрывное устройство.

Впрочем, кто свел счеты с их семьей, для братьев не было тайной — за лидером севмашевской группировки Михаилом Расторгуевым давно и упорно охотились конкуренты из банды «центровых». Двадцатилетняя фотомодель красавица Елена Расторгуева оказалась в этой разборке случайной жертвой.

В день рождения жены Кирилл нес на ее могилу двадцать три белых розы — столько, сколько должно было бы исполниться в этот день Елене.

Свернув с центральной аллеи на седьмую линию и пройдя несколько метров вдоль оград чужих могил, братья остановились как вкопанные... Гранитный постамент был пуст. На треснувшей мраморной плите, накрывавшей могилу жены, лежал обезглавленный бронзовый ангел. Рядом валялись обломки гранита. Снег вокруг могилы вымеси следы ночных вандалов.

— Мать твою к... бабушке, кто-о?! — страшным голосом заревел Кирилл, бросаясь на колени рядом с поверженной статуей. — Суки! Падлы! Урою всех, из-под земли достану... Козлы! Ничего святого не осталось. Уроды!..

Пожалуй, с самого дня смерти жены Расторгуев не чувствовал такой ярости.

— Найду, живыми разорву... — орал он. — Заплатят они мне, заплатят, своей печенкой харкать будут, козлы...

Он тер рукавом пальто мокрые глаза, в бессильной злобе бил кулаком гранитный постамент, не чувствуя боли.

— Живыми закопаю... — шатаясь, словно пьяный, бормотал Кирилл, возвращаясь к машине. — Ничего святого не осталось...

Брат насилу успокоил его и повел обратно по аллее к машине.

Он залез на заднее сиденье машины и сжался в комок, дрожа, словно от холода.

Старший брат Василий, ставший после гибели Михаила главой семейного клана, порылся во внутреннем кармане пальто, извлек из похожей на табакерку серебряной коробочки круглую таблетку и протянул брату:

— Глотай.

— Что это? — поднял заплаканное лицо Кирилл.

— Ешь, не думай. Поможет.

— Я колеса, как ты, не жру! Поехали скорее домой. Водки выпью.

— А ну! — Василий ловко зажал брату руки и силой сунул ему в рот таблетку. — Я лучше знаю. Проглотил? Открой рот. Язык покажи...

— Да съел я ее, съел, отвали, — слабым голосом ответил Кирилл.

Он закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

— Значит, так, — деловым тоном сказал Василий, обращаясь к водителю джипа — парню лет двадцати пяти, которого в последнее время стал выделять из массы остальных боевиков и приближать к себе. — Значит, так, Андрей, не в службу, а в дружбу — найди, кто это сделал. Пару дней даю, хватит?

Водитель подумал и молча кивнул.

— Потом сочтемся, — пообещал Василий. — Работы это не касается. Это личный договор, между нами.

— Живыми приведи, — заплетающимся языком выговорил Кирилл. — Я сам с ними разобраться хочу!

Андрей утвердительно мотнул головой.

Приемщик в пункте цветных металлов раскололся сразу, как только Андрей приставил к его башке ствол пистолета.

— Я их не знаю, но показать могу! — завизжал он, поднимая вверх руки и с ужасом глядя на пистолет. — Не бейте, ребята, я же не знал!..

— Чего не знал, гнида? — с размаху прикладываясь рукояткой пистолета к уху приемщика, гаркнул Андрей. — Не видел? Тебе повылазило? Отрезанную голову от статуи тебе несут, а ты шлангом прикидываешься? Думал, на дороге нашли?

— Ребята, не бейте, я больше не буду! — вертясь под ударами кованых ботинок, как вьюн на горячей сковородке, визжал мужик.

Вычислить, куда могли направиться кладбищенские грабители, Андрею не составило труда. Вряд ли, думал он, эти козлы потащат тяжеленные мешки куда-то далеко. Скорей всего, отправятся в ближайший круглосуточный пункт. Так оно и вышло.

В районе Николаевского кладбища всего три пункта — в гаражном кооперативе, в подвале магазина «Электротехника» и в вагончике рядом со стройкой. Андрей объехал все три. Бронзовую голову ангела с могилы Елены Расторгуевой он обнаружил на территории гаражного кооператива.

— Они время от времени сюда приходят, — вытирая кровь и сопли, гугнил приемщик. — Нечасто, но приходят. Я их по именам не знаю. Главного, слышал, Костей зовут. Они его Костылем еще называли. Других не знаю. Честное слово, не знаю...

— Где мне его искать? — ткнул дулом пистолета ему в щеку Андрей.

— К-кого?

— Костыля этого! — замахнулся Андрей.

— Клянусь Богом, я его не знаю! Приходят, как все, приносят товар, я им плачу деньги...

— О чем еще они при тебе говорили? Напряги мозги, если не хочешь их с пола руками собирать!

— Да ни о чем, Богом клянусь! Не говорил я с ними ни о чем... Принесли, взвесили, я деньги отдал... Все.

— Вот заладил, козел. Подумай, о чем они между собой говорили?

— Не помню... А! — закричал приемщик после очередного пинка. — Они про дискотеку что-то говорили. Что собираются на дискотеку в «Планету». Точно! Я им деньги, а они, значит, собирались на них пойти гулять в «Планету»...

— Ну вот, — уже поспокойнее сказал Андрей, — видишь, козел, когда надо, человек все вспомнить может.

Приемщик мелко и подобострастно закивал.

— Кран здесь есть? — спросил Андрей, осматривая полуподвальное помещение гаража.

— Что? — испугался приемщик.

— Кран с водой.

— А-а... Т-там, — показал приемщик в угол.

— Рожу свою пойдя умой! Как я тебя такого по городу поведу?

— Зачем в город?

Андрей без лишних слов схватил приемщика за шиворот и поволок к шлангу, из которого тонкой струйкой текла по полу и исчезала в решетке канализации ледяная вода, пахнувшая бензином и соляжкой.

— Куда вы меня вести собираетесь? — обмяк от ужаса мужик, представив, как его выведут подальше на пустырь, застрелят и закидают строительным мусором. — Не убивайте, ради бога! У меня дети!

Андрей поливал окровавленную голову приемщика ледяной водой, не обращая ни малейшего внимания на его крики.

— Жена болеет, — хныкал приемщик. — Я денег дам!

— Рыло умой, — тыкая его физиономией под струю воды, ответил Андрей. — В «Планету» со мной пойдешь. Я тебе с Костылем очную ставку устрою.

Самый известный в городе ночной клуб — дискотека «Планета» — занимал второй этаж бывшего одноименного кинотеатра. От прежнего очага культуры осталось только неоновое название на фасаде. Попасть в «Планету» было мечтой каждого сибирского тинэйджера — вход стоил немало, а цены в местном баре и вовсе были запредельными.

Сегодня там выступала не кто-нибудь, а сама столичная знаменитость Земфира, которую, по слухам, пригласил сам губернатор Шварц, конечно, на севмашевские деньги. От желающих прорваться в клуб подростков дрожали каменные ступеньки бывшего кинотеатра. За двести метров от «Планеты» слышался восторженный визг и вопли фанатов.

У самого кинотеатра во всю мощь больших динамиков звучали песни Земфиры.

Андрей тащил за собой приемщика, распихивая и расталкивая локтями очумевших от перспективы скоро увидеть знаменитость девиц. У входа их на мгновение задержала охрана клуба, но Андрей шепнул пару слов на ухо старшему охраннику, и их моментально и безо всякого пропустили, правда покосившись на побитого и мокрого приемщика, дико вращающего испуганными глазами. Но возразить не посмели. Андрей был севмашевцем, а как и всякая другая доходная собственность, расположенная в левобережном районе Сибирска, «Планета» контролировалась севмашевской группировкой.

Андрей поднялся в зал. Там стоял вой, громче, чем на тонущем «Титанике». Молодежь прыгала вокруг сцены, махала разноцветными люминесцентными палочками — последний писк дискотечной моды, — которые заменили традиционные пожароопасные зажигалки. Метрдотель наметанным глазом сразу определил важную персону. Для человека из севмашевских немедленно был организован отдельный стол. Официант без приглашения принес бутылку сухого вина, сыр и маслины.

Сгрузая все на стол перед Андреем, спросил:

— Еще чего-нибудь желаете?

— Может, слышал о говнюке по имени Костыль? — на всякий случай спросил Андрей. — Костя, Костыль...

Официант покачал головой.

— Костей каждого второго зовут, и почти все здесь — говнюки, — пошутил официант.

— Ладно, свободен, — махнул рукой Андрей и повернулся к приемщику: — А ты линзы протри, пока они у тебя целы, и ищи. Хорошо ищи. Имей в виду, тебе же лучше, если ты Костыля найдешь. Если не найдешь — придется тебе одному за всех париться.

— К-как — од-ному? — заикался приемщик. — За что?

Андрей грозно и многозначительно покачал головой:

— Ну сам посуди — должен же кто-то за паскудство ответить? А человека вы обидели круто... Ох круто... Не хотел бы я быть на вашем месте.

— А кого обидели? — спросил приемщик, когда к нему в очередной раз ненадолго вернулся дар речи.

— Хм... — улыбнулся Андрей, — только смотри, чтобы инфаркта не было. Самих Рас-торгуевых задела... Во как!

У приемщика от ужаса запрыгали руки и ноги. Он тяжело задышал, замотал головой и покраснел как рак. Андрей, действительно опасаясь за его психическое состояние, набрал в рот вина и прыснул приемщику в лицо.

— Ну-ну, очнись. Давай гляди Костыля этого.

Приемщик с готовностью завертелся на стуле, оглядываясь по сторонам и даже привставая из-за стола.

— А если его здесь нет? Если он сегодня не придет?

— Молись, чтобы пришел, — выплевывая косточку от маслины, спокойно посоветовал Андрей.

... Построенный в готическом стиле особняк из красного кирпича, окруженный высоким забором, за которым виднелись заснеженные макушки голубых елей, стоял в стороне от дороги, на краю коттеджного поселка, километрах в десяти от города.

Часа в два ночи во дворе залаяли крупные сторожевые ротвейлеры.

Хозяева особняка еще не ложились. Василий Расторгуев только что вышел из сауны и, весь мокрый, красный, распаренный и вспотевший, сидел, завернувшись в мохнатое полотенце на диване, и пил пиво из большой фарфоровой кружки. Услышав, что кто-то приехал, он взял со стола трубку радиотелефона, набрал номер охраны.

— Кто?... Андрей Папутин? А... Пропусти, конечно.

Синий «джип-чероки» въехал во двор, лихо развернулся на широкой подъездной аллее и остановился перед домом. Андрей вышел из машины, открыл багажник и выволок на землю скованного наручниками по рукам и ногам человека, на голову которого был накинута черная мешок. Судя по тому, что связанный не проронил ни звука, рот его был надежно залеплен клейкой лентой. Придерживая человека за шиворот, Андрей втащил его по ступенькам на крыльцо, позвонил в дверь. Ему открыл телохранитель Василия.

— Уже? Так скоро? — удивился старший Расторгуев, с порога гостинной выглядывая в просторный холл.

— Я же не в милиции работаю, — самодовольно хмыкнул Андрей, втаскивая в дом двуногую добычу.

— Молодец, люблю оперативность, — покачал головой Василий, рассматривая кладбищенского вандала.

— Куда его?

— Даже не знаю. В доме неохота полы пачкать... Хотя в принципе пускай Кирилл сам командует. Это его пациент. Сними-ка с него мешок.

С головы Костыля сдернули мешок. Он завертел головой, переводя безумный от ужаса взгляд то на Андрея, то на Василия, то на его телохранителя. Рот его от уха до уха закрывала широкая лента скотча. Костыль что-то невразумительно мычал. Руки его были скованы наручниками под коленками, так что Костыль мог стоять только на четвереньках, как баран, которого собираются зарезать.

— Ну? — вопросительно кивнул старший Расторгуев, сверху вниз глядя на вора. — Ты что, читать не умеешь? В школе не учился? А? Отвечай.

Он пнул жертву в живот. Костыль замычал еще жалобнее. По его лицу покатались слезы.

— Ничего, сейчас тебя научат и читать, и писать, — пообещал Василий и, обернувшись к телохранителю, спросил о брате:

— Где он?

— Наверху, у себя.

— Спит?

— Нет пока.

— Сильно набрался?

Телохранитель дипломатично пожал плечами.

— Ясно, набрался, как свинья. Один?

Телохранитель приподнял брови и сложил губы, как для поцелуя.

— Ну что мне с ним делать! — всплеснув руками, воскликнул Василий. — Вечно полный дом шлюх. Уже всех потаскух в городе перетрахал. Женить мне его снова, что ли? Сколько их там?

— Две, — проронил телохранитель.

— Ладно, — решил Василий. — Иди скажи ему, что пациент прибыл. Пускай спускается, а то потом не простит, если мы без него разберемся.

Костыль, уразумев наконец, какая незавидная участь его ожидает, обмяк и тихо заскулил, уткнувшись лбом в паркет.

— А ты молодец, — похлопывая Андрея по плечу, повторил Расторгуев. — Я тебя давно держу на примете. Сколько ты уже на нас работаешь?

— Три года, — переминаясь с ноги на ногу, ответил Андрей.

— Ну и как?

— Вроде все нормально.

— Нравится? — заранее зная ответ, поинтересовался Василий.

Андрей только улыбнулся: мол, что за вопрос?

— Может, какие проблемы? Помочь с чем-нибудь надо? У тебя родители кто?

— Папаша на пенсии, он начальником цеха на механосборочном работал, — смущаясь, сказал Андрей. — Мамаша медсестра.

— Понятно. Ты не смущайся, если что-то надо, говори прямо. Деньги, конечно?...

Андрей улыбнулся, опустил глаза.

— Не откажусь, если предложите, — пробормотал он.

— Ноу проблем, — обнимая Андрея за плечи и нежно ероша ему на затылке короткие волосы, произнес Василий. — Эх ты, пацан еще совсем. Женат?

— Нет, — покачал головой водитель.

— Это хорошо. Очень хорошо, — почему-то с большим энтузиазмом одобрил Василий.

Он кивком пригласил Андрея в гостиную. Пока водитель джипа оглядывался по сторонам, молча восхищаясь шикарной отделкой и обстановкой дома, старший Расторгуев открыл ключом один из ящичков резного итальянского бюро, достал тонкую стопку новых стодолларовых купюр, не считая протянул Андрею:

— Держи. Заработал.

Андрей, широко улыбаясь, мотнул головой: мол, спасибо, всегда готов...

— Я вам еще нужен?

— А ты что, уезжать собрался? — погрозил ему пальцем Василий. — Нет, нет, раздевайся. Сейчас сядем, поужинаем, поговорим, расслабимся. Проходи, проходи.

В это время в гостиную нетвердой походкой спустился босой, в расстегнутой рубашке Кирилл. Физиономия у него была опухшая, глаза — две узкие щели. Дико озираясь, Кирилл с минуту стоял молча, пошатываясь.

— Где он? — спросил наконец.

— В холле. Только я тебя прошу, — сделал Василий предупреждающий жест, — в доме — без мокрухи. Разбирайся с ним сам, делай что хочешь, но не в доме. Хочешь мочить — надевай штаны, тащи его в лес и мочи, но тут чтобы все было чисто. Понял?

— Понял, — злобно буркнул младший брат, толкая плечом Василия.

Он вышел в холл. Через секунду оттуда донесся звук катящегося вниз по лестнице куля с мукой и придушенный визг Костыля.

— В подвал иди развлекаться! — крикнул Василий. — Не порти людям аппетит.

Андрей никогда прежде не был в доме Расторгуевых. Точнее, он часто заходил по делу, но никогда не заходил дальше кабинета, расположенного рядом с холлом на первом этаже. Сейчас, сидя на велюровом диване в огромной гостиной, он не знал, как себя вести, куда деть ноги в грязных кроссовках.

— Пойдем пока в бильярдную, шары покатаем, — предложил Василий. — Умеешь, надеюсь?

— Неплохо даже, — признался Андрей.

— Да?

Расторгуев явно обрадовался.

— Это кстати, а то мне уже надоело всех в доме заставлять петушком петь. Тебя не заставлю?

Андрей пожал плечами, но по его лицу читалось, что это вряд ли.

— Посмотрим, посмотрим...

Они переместились в бильярдную.

— Ты гость, тебе разбивать, — предложил Расторгуев.

Андрей разбил и сразу закатил шар в правую верхнюю лузу.

— В самом деле неплохо, — одобрил Василий. — Какой коньяк любишь?

— Вообще-то я не пью, — сказал Андрей, тщательно примеряясь для следующего удара.

— Совсем?

— Ну, может, пиво...

— Что это ты? Прямо как девочка, — ухмыльнулся Василий, любуясь точеными мускулистыми руками своего водителя. — Я тебя угощаю настоящим мужским напитком. Пей и не говори, что не понравилось.

Он протянул Андрею хрустальный стакан.

Андрей отхлебнул, поставил стакан на деревянный край бильярда, наклонился, прицелился и пробил дуплетом в левый угол...

И тут до них донесся нечеловеческий, душераздирающий крик... Не крик даже, не стон и не вой — адский рев, словно с человека заживо снимали кожу.

Сверху, стуча каблуками по деревянной лестнице, сбегали две перепуганные девицы. Заглянули в бильярдную:

— Что это?

— Это где?

— Не ваше дело. Идите наверх от греха подальше, — махнул на них кием Василий.

Рев не утихал. Казалось, весь ад поднялся из преисподней и разместился под полом первого этажа.

— Да что этот придурок там делает? — в сердцах застучал Расторгуев кием по паркету.

Жуткий рев не утихал.

— Устроил тут гестапо, — плюнул Василий и кивнул Андрею: — Идем посмотрим, что там такое происходит.

Они спустились в подвал. Василий вошел первым, Андрей следом за ним.

Первое, что он почувствовал, был гнусный запах паленого человеческого мяса.

— Да ты что?! - пробормотал Василий, глядя на брата. — Ты что, совсем двинулся? Что ты с ним сделал?

Кирилл, пьяный, окровавленный, стоял пошатываясь перед открытой топкой котла. В руке он держал половник на длинной ручке.

Андрей посмотрел на скрюченное тело Костыля и поскорее отвел глаза. Вместо нижней части лица у Костыля было сплошное кровавое обугленное месиво.

— Ничего, все нормально, — бормотал Кирилл, дико ухмыляясь. — Он у меня нажрался... Я ему дал расплавленного олова хлебнуть. — Кирилл захихикал, и от этого смеха даже у Расторгуева-старшего мурашки по спине побежали. — Ему же железо нравится? Ну вот. Навек нажрался.

Василий подошел к брату, сгреб его в охапку:

— Пойдем отсюда. Пойдем, я тебя наверх отведу.

— Это еще не все! — заартачился Кирилл. — Он мне всех говнюков-подельников назвал. Я еще с ними разберусь. Они мою Лену второй раз убили, гады!

По лицу младшего Расторгуева покатались слезы.

— Мы их найдем. Обязательно найдем, — пообещал Василий, обнимая брата. — А сейчас идем со мной. Идем.

Кирилл послушно отшвырнул половник, обхватил брата за шею и дал себя увести.

— Андрей, убери тут, — проходя мимо водителя, распорядился Василий.

Хорошенькое дело — убери...

Андрей заставлял себя не смотреть в лицо еще живого Костыля. Особенно страшен был агонизирующий взгляд. Чтобы не видеть этих глаз, Андрей накинуд на голову жертвы тот же черный мешок, в котором полчаса назад еще совсем живой Костя-Костыль прибыл в дом Расторгуевых.

Вместе с телохранителем Василия тело Костыля завернули в войлочное ковровое покрытие, вынесли во двор и погрузили в багажник машины.

Андрей сел за руль и поехал куда глаза глядят. Отъехав подальше от поселка, он свернул в лес и бросил Костыля под мостом у железнодорожного переезда.

Возвращаться к Расторгуевым ему расхотелось. Как он ни старался отогнать от себя кошмарный образ, но перед его глазами так и застыло лицо Костыля — кроваво-черное месиво на месте сожженного рта, сквозь ошметки обугленных тканей видна кость и оскал зубов... И два живых, сверлящих безумным взглядом глаза...

Обозреватель независимой телекомпании АТН Эдуард Худяков работал дома, когда к нему подошел его сын, семнадцатилетний студент журфака, и со словами: «Па! У меня сенсационный материал про грабителей могил!» — выложил на стол пачку цветных фотографий.

Худяков нахмурился.

— Откуда это у тебя? — спросил он, профессиональным жестом тасуя на столе снимки и откладывая в сторону самые удачные.

— Сам снял, — похвастался сын.

— Да? Хороший кадр, — похвалил Худяков, постучав пальцем по глянцевому листу одной фотографии. — Где снял?

— На Николаевском кладбище.

— Угу, — ответил отец, перебирая снимки. — А как ты с ними договорился?

— Тайна фирмы, — самодовольно ответил сын. — Пообещал их лица закрыть черными квадратиками.

— Знакомые твои, что ли? — с полунамека понял отец.

— Да, в одной школе учились.

— Хорошими делами нынче школьники занимаются! Раньше металлолом собирали, теперь кладбища обворовывают... Репортаж хочешь сделать?

— Вообще-то я надеялся... А можно на твоём канале в вечерних новостях? Или в криминальной хронике?

Худяков-отец минуту думал.

— Черновик репортажа покажи.

Сын протянул ему два тетрадных листка с текстом.

Пока Худяков читал, сынулька от нечего делать разглядывал лежащие на столе газеты, печатные материалы, вырезки статей... Неожиданно его взгляд уткнулся в сообщение криминальной сводки во вчерашней газете. Младший Худяков схватил газету со стола, перечитал сообщение еще раз. Лицо его побледнело и вытянулось.

— Ой...

— Сколько раз тебе повторять, что «несмотря» пишется в одно слово? — черкая ручкой в тексте, раздраженно заметил отец. — Учебник русского языка за седьмой класс почитай.

— Пап, Костю убили...

— Какого Костю?

— Этого самого... с которым я на кладбище был.

Худяков отложил листки.

— Чего-чего, повтори?

— Я только что в газете... Вот. — Сын трясущимися руками протянул газетный лист с траурно отчеркнутой колонкой криминальной хроники. Зачитал вслух: — «Требуется ваша помощь! У железнодорожного переезда возле поселка Лесное найден труп Константина Коростылева, восемьдесят второго года рождения... Следственные органы просят всех граждан, знающих что-либо об обстоятельствах гибели К. Коростылева или видевших его в субботу двадцать первого числа сего месяца, накануне смерти...» Двадцать первого! Это же... Мы же той ночью... Ночью с двадцатого на двадцать первое... Мне теперь что, в милицию нужно идти? Как свидетелю?...

— Помолчи, не бубни!

Худяков-отец выхватил у сына газету, внимательно перечитал объявление в криминальной хронике, затем схватил фотографии, сделанные сыном накануне на кладбище. Пересмотрел их внимательнее и...

— Дубина! — рявкнул он. — Вы хоть сами знаете, во что вляпались? Чью вы могилу ограбили, придурки?

Он ткнул листом фотографии в физиономию наследника:

— На, на, полюбуйся!

— Тетки какой-то могила, — замямлил обиженно сын. — Откуда я знал?

— До инфаркта меня доведешь, — пообещал отец. — Ты знаешь, кто такие братья Расторгуевы, ослиная твоя башка?

Не услышав ответа, Худяков развел руками:

— Вот так! Работаешь, работаешь, шкуркой своей рискуешь, а в результате даже собственный сын, дуб стоеросовый, твои передачи не смотрит!

— Бандиты они, я знаю, — перебил Худякова сын. — Ну и что?

— А то, что эта тетка, как ты говоришь, была женой Расторгуева и он за нее не то что твоего Костю на тот свет отправит, а половину всего города в придачу!

Сын печально поник головой.

— И что теперь? — пробубнил он, глядя на свои ноги. — Теперь они меня и остальных станут искать?

— А как же? Твой Костя, я думаю, перед смертью и про дружков своих все рассказал, и даже твой домашний адрес им дал. Читал, что они с ним сделали? Хочешь, чтобы и с тобой так же?...

Худяков-отец не договорил, схватился за сердце.

— И что теперь? — повторил сын.

— Подожди, дай подумать.

Худяков бросил в рот горсть таблеток нитроглицерина. Ему в голову пришла одна идея... Если использовать снятые сыном материалы с кладбища и сделать разоблачительную программу про местный криминалитет? Вот, мол, пока милиция сосет лапу и в ус не дует, а те, кто призваны бороться с оргпреступностью, сажают в каталажку друг друга (накануне Худяков как раз выпустил в эфир программу, посвященную сенсационному аресту руководителя местного РУБОПа), журналист провел собственное расследование и выяснил, кто убил обыкновенного сибирского подростка Костю Коростылева... Да, да, хорошо! Материал нужно подать именно так, в лоб.

«Кому мешал обычный сибирский подросток Костя Коростылев? Куда ведут следы зверского преступления, совершенного близ станции Лесная?»

Журналистский азарт пересилил все разумные доводы.

«Тем более, — убеждал самого себя Худяков, — если дело примет огласку, боевики Расторгуевых не посмеют тронуть Костиных подельников, уж слишком явная связь с предыдущим убийством».

— Ну что, па? — напомнил о своем существовании сын.

— Ах, да... Оставь мне фотографии, негативы тоже оставь. Пойду к Мишину договариваться насчет съемки. Если получится, то завтра репортаж выйдет в эфир.

— А со мной что?

— С тобой? Ну что с тобой сделаешь? Посиди пару дней дома на всякий случай. Ребят тоже предупреди.

— Да я их вообще не знаю, я их только на кладбище первый и последний раз видел.

— Тогда все, свободен.

— Я хочу, чтобы мое имя тоже в титры поставили.

— Так тебе еще и славы захотелось?

Худяков с улыбкой посмотрел на сына.

— Скажи спасибо, что жив остался. Что не до тебя первого эти подонки добрались...

— Но это же мои снимки, — набычился сынулька.

— Ладно, ладно. Если Мишин позволит, поставлю твое имя в титры. Гуляй, юнкор!

Довольный Худяков-сын последовал совету отца.

Передача вышла в эфир в понедельник вечером, в самое лучшее время.

Экранный образ Худякова-журналиста немного отличался от обыденного, но только в самую лучшую сторону. Экранный Эдуард Худяков смотрел прямо в камеру пристальным взглядом, дергал бровью, сжимал в кулаке авторучку и казался еще принципиальнее, пафоснее и строже, чем в жизни... Женщинам-телезрительницам он очень нравился.

— Зверское убийство сибирского подростка Кости Коростылева заставляет всех нас задуматься, в каком мире живем мы сами, в каком мире живут наши дети... — красивым мужественным баритоном говорил Худяков. — Это убийство, бессмысленное в своей нечеловеческой жестокости, так и осталось бы нераскрытым, как остаются нераскрытыми сотни подобных преступлений, ежегодно совершаемых в нашем городе. Но!.. Бандиты просчитались. Случайно в нашу студию попала эксклюзивная пленка, на которой Костя Коростылев снят в последнюю ночь накануне своей гибели. По понятным причинам лица его товарищей мы показать не можем...

Так чем же занимаются наши дети?... Билет на дискотеку стоит пятнадцать рублей. Где взять подростку эти деньги, если родители и так едва сводят концы с концами? Вчерашние школьники нашли почти легальный способ заработать. Они искали на кладбищах то, что в газетных рекламных объявлениях скромно называется «лом цветных металлов». Только в районе Николаевского кладбища таких пунктов приема три, и все они, заметьте, работают круглосуточно и не жалуются на отсутствие клиентов. Взрослые тащат с родного завода медный кабель... Подростки нашли более легкий способ. Они сбивали медные и бронзовые детали надгробий.

Обратите внимание на эти снимки. Костя с товарищами пришел ночью на Николаевское кладбище. Под покровом темноты, пользуясь ненастной ночью, они безнаказанно ограбили несколько зажиточных могил. Вот те несколько могил, ограбленных подростками. Они замечены снегом, ни имен, ни фамилий. Скорее всего, подростки присмотрели эти могилы заранее, еще днем. На этом снимке Костя держит в руках боевой трофей — он только что отделил этот кусок бронзы от целой скульптуры. Бронзовая статуя оказалась слишком тяжелой, чтобы подростки втроем смогли вынести ее за территорию кладбища. Через день Костю найдут мертвым. Его не просто убьют, а зверски замучают. Подростку вольют в горло расплавленный металл.

Так кому перешел дорогу обычный сибирский подросток Костя Коростылев? Обратите внимание, чье имя выбито на гранитном постаменте памятника.

Елена Расторгуева, «Мисс Сибирь-96», известная фотомодель и по совместительству жена лидера севмашевской братвы Кирилла Расторгуева. Два года назад Елена случайно погибла во время бандитской разборки. Эта бронзовая скульптура, на которую польстились малолетние хулиганы, была воздвигнута над могилой Елены скорбящим мужем. Кто, как не Кирилл Расторгуев, мог так жестоко отомстить осквернителям могилы жены?

Вот схема местности, где был найден труп Кости Коростылева. Вот железнодорожный мост и переезд возле поселка Лесное... Сам поселок обозначен на плане группой прямоугольников. А вот здесь — вы видите на схеме большой черный квадрат — находится роскошный трехэтажный коттедж, принадлежащий... Кому бы вы думали? Правильно, все тем же братьям Расторгуевым. От особняка Расторгуевых до того места, где нашли Костю Коростылева, всего семь километров. Как мог подросток, отправившийся вечером на дискотеку, оказаться на этом переезде ночью, в десяти километрах от города? На этот вопрос у следователей нет ответа. Зато ответ есть у нас...

После эфира коллеги по цеху обступили Худякова, долго жали ему руки, говорили комплименты, хлопали по плечу и всячески высказывали свое одобрение и восхищение. Телефоны редакции разрывались от звонков телезрителей.

Гендиректор канала АТН Мишин пригласил Худякова к себе в кабинет.

— Резонанс несомненно будет огромный, — потирая под очками уставшие глаза, признался гендиректор. — Сильная передача, нет слов. Смело, очень смело. Даже, пожалуй, слишком... Давай я у тебя завтра интервью возьму в прямом эфире, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.